

НАУЧНЫЙ

бюллетень

№ 12
2007

Печатный орган научно-исследовательского Центра «Рукописная книга» при кафедре крымскотатарского и украинского литературоведения РВУЗ «Крымское инженерно-педагогическое университета».

Учредитель: РВУЗ «КИИП»,
г. Симферополь.
Издатель: под редакцией
МАОО «АРМАВИЛ» в г. Севастополе.

Издание основано с благодарностью на
исследованиях Крымского государственного университета.

КИРИМОВ Т. Н.

Мисире Ходжа-Ризе

АСАНОВА И. И.

ЯБЛОНОВСЬКА Г. В.

КУРБУТОВ Т. И.

ЧЕРНЫШЕВА Е. В.

ДЖЕЗДИНОВ А. А.

КЕРИМОВ И. А.

Заведующий Центром:
д.ф.н. проф. И.А. КЕРИМОВ.
Менеджер Центра; гл. редактор:
Т.Н. КИРИМОВ.

Адрес: 95015, Украина, г. Симферополь,
ул. Севастопольская, пер. Учебный-4.

Тираж: 200 экз.

Тел.: (0652) 249-495, факс: (0652) 241-506.

Свидетельство о гос. регистрации: КМ № 828
от 25.09.2002 г., выдано Республиканским
комитетом по информации АРК.

Научно-культурологические материалы в бюллетене
публикуются на крымскотатарском, украинском,
русском и других языках народов Крыма.

НАУЧНЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

ББК 80/84

№ 12 2007

МУНДЕРИДЖЕ — СОДЕРЖАНИЕ

ЭДЕБИЯТШЫНАСЛЫКЪ — ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Лексические и лингвостилевые особенности
поэтических произведений Джемиля Керменчикли. 2

ТИЛЬШЫНАСЛЫКЪ — ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Qırımtatarca'daki Almanca kökenli kelime hazinesi
ile Almanca'daki Türkçe kökenli kelime hazinesi üzerine bir
araştırma. (Etimoloji ve anlam değişikliği hakkında notlar) 15

Къырымтатар тили дерслеринде янъы
сёзлерни менимсев усулы 25

ТАРИХ. МААРИФ. МЕДЕНИЕТ — ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

Офіційна кримськотатарська преса періоду депортації 28

Эдиге Кырымал. Малоизвестные факты из жизни 31

Этническое крымскотатарское жилище XV — XIX вв. ... 33

Отражение тюрко-славянских этнических контактов
в украинской народной инструментальной музыке 42

НЕ. КЪАЙДА. НЕ ВАКЪЫТ — ЧТО. ГДЕ. КОГДА

Выписка из послужного списка Аджы-Асан
Умера Асановича 46

Кафедра крымскотатарской и турецкой филологии
Крымского инженерно-педагогического университета .. 48

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ответственность за достоверность фактов несут авторы публикаций.
Перепечатка материалов только с согласия редакции.
Ссылка на «Научный бюллетень» при этом обязательна.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Т.Н. КИРИМОВ,
аспирант очного обучения
кафедры крымскотатарской и
турецкой литературы РВУЗ “КИПУ”
E-mail: tairk@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОСТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖЕМИЛЯ КЕРМЕНЧИКЛИ

У статті аналізовано загальний стиль художніх творів Джеміль Керменчіклі. Виявлені лексичні та лінгвостильові смаки поета. Разом з тим була приділена увага історії розвитку кримськотатарської літературної мови у період діяльності Дж. Керменчіклі.

Ключові слова: стиль, лексика, пантюркізм, період танзімата.

В статье проанализирован общий стиль художественных произведений Джемилля Керменчикли. Выявлены лексические и лингвостилевые вкусы поэта. Вместе с тем было уделено внимание истории развития крымскотатарского литературного языка в период деятельности Дж. Керменчикли.

Ключевые слова: стиль, лексика, пантюркизм, период танзимата.

In the given article the author gives an analysis of the general style of works of Dzhemil Kermenchikli. Lexical and linguostylistical preferences are revealed. At the same time the author pays a great attention to the history of development of Crimean Tatar literary language during the period of Dzhemil Kermenchikli's creative activity.

Key word: style, vocabulary, Panturkizm, period of Tanzimat.

Поэтические произведения Джемилля Керменчикли, отображающие исторические реалии, отличаются своей неповторимостью. Тематический круг его стихотворений, охватывающий различные социальные явления из жизни крымскотатарского народа, пленит читателя художественным оформлением; философским осмыслением человеческого бытия, излучением энергетической силы.

Проводя наблюдения над художественным языком поэта, первое, на что мы обращаем внимание, это яркие языковые контрасты, отражающие исторически сложившиеся социально-идеологические позиции литературных школ в Крыму в период литературной деятельности Джемилля Керменчикли.

Как мы отмечали в первой главе II части, Джемилль Керменчикли долго искал ту стабильную форму, которая могла бы определять языковой идеал крымско-татарской народной интеллигенции, оказавшейся на распутье между пантюркистскими и протатарскими идеологическими настроениями. Язык крымскотатарских художественных произведений терпит константные колебания между западно-тюркским и северно-тюркским наречиями. Однако эта тенденция в национальной печати получила развитие больше в поэзии и прозе, чем в публицистике. Необходимо отметить, что язык в информационно-публицистических материалах, публикуемых в народной прессе, в частности, в газетах “Terciman” (1883 — 1918 гг.), “Millet” (1917 — 1920 гг.) и “Qırım ocağı” (1917), носит канонический характер, определяемый западно-тюркской, то есть Стамбульской языковой нормой.

Так, например, крымскотатарский поэт, ученый, общественный деятель начала XX века Амди Гиравбай в приложении к своей научной работе “Qırım tarihi” (“История Крыма”) [1; 15, s. 20 — 21; 31, s. 233] обращает внимание на становление новой крымскотатарской

литературы в период с 1905 по 1917 годы. Здесь он описывает три основные, сформировавшиеся в эти годы, литературные течения.

Первая школа, отмечает А. Гирайбай, образовалась во главе с поэтом-народником Усенном Шамилем Тохтаргазы. Главными его последователями в то время стали Асан Чергеев и Гафар Шерефеддин. Они, как и их идейный наставник, осваивали формы русской классической литературы и культивировали свои местные наречия.

Представители второй школы сформировались под влиянием таких видных литературных деятелей и культурно-просветительских идеологов в Турции, как Ибрагим Шинаси и Намык Кемаль. По преимуществу это молодые преподаватели-писатели, получившие образование в Турции. Среди них, продолжает А. Гирайбай, были Джафер Сейдамет, Асан Сабри Айвазов и Джемиль Керменчикли. Подражая Шинаси и Кемалю, они писали свои произведения на западно-тюркском — стамбульском наречии [1, с. 19]. Необходимо отметить, что эти сподвижники турецкой культуры, провозглашая новое реформистское течение "Tanzimat"¹, сыграли немаловажную роль в становлении модернистской европеизированной турецкой литературы. Период *танзимата* в истории Турции обозначился как эпоха преобразований и реформ, носящих экономический, политический, административный характер. Для турецкой литературы время *танзимата* оценивается как период критического переосмысления идеологически устаревшей классической литературы и реформы языка, который, по мнению реформаторов, был призван сблизить турецкую литературу с народом [3, с. 23 — 35; 8, с. 8 — 15; 32].

Нейтральными в выборе языка оказались позиции третьей литературной школы во главе с Номаном Челебиджиханом. Члены школы благосклонно относились и к западно-тюркскому, и к местному, по большей части степному, наречиям. Западно-тюркское наречие, как мы отметили ранее, представлялось в осмыслении школы — газетным, канцелярским, а местное — стилем художественных произведений.

Подобная языковая дифференциация сохранялась до 1915 года, то есть до тех пор, пока не ослабла идеологическая эмпатия Крыма к Турции и не возникла новая волна влияний со стороны Казани. Сравнительно возросший авторитет Абдуллы Тукая, а вместе с ним и его народного северно-тюркского наречия, обеспечили главенство представителей местного, то есть крымского, степного наречия над остальными существующими в Крыму языковыми влияниями [15].

Таким образом, при изучении поэтического языка Джемиля Керменчикли этот феномен представляется нам одним из факторов исторического формирования литературного языка в Крыму.

Наряду с литературными тропами и поэтическими фигурами, которые имеют немаловажное значение в процессе создания общей картины художественных образов, язык и лексика призваны быть неким рецептором, с помощью которого реципиент испытывает неповторимое наслаждение изысканным вкусом и эмоциональной красочностью, коими насыщено художественное произведение. Между поэтом и читателем происходит некий интимный диалог. В этом процессе обе стороны ощущают взаимное эстетическое эмоциональное обогащение. Таким способом мы получаем эстетическое наслаждение образностью, национальным колоритом, лингвистическим вкусом художественного и, прежде всего, национального языка литературных памятников, завещанных нам, к примеру, такими известными классиками крымскотатарской литературы, как Н. Челебиджихан, Б. Чобан-заде, А. Гирайбай, А. Чергеев, М. Нузет, А. Кадри-заде, А. Одабаш, и другими представителями крымскотатарской интеллигенции в довоенном Крыму. Поэзия, как верно заметил Кулаков, это факт языка, его эстетическое измерение [7, с. 92].

Исследователь подходит к данному вопросу с научной точки зрения: проводит анализ и синтез произведений избранного автора, как в отдельности, так и в общей их совокупности. Погружается в суть художественного текста, с целью изобличить неприметные для простого взора составные части исследуемого материала. При текстологическом анализе мы также обращаем внимание на языковые и лексические явления в тексте произведения с точки зрения их эволюции в системе исторических, социальных и личностных факторов, сказывающихся на литературном творчестве исследуемого художника. Находим новые смысловые акценты, определяющие отношение художника к действительности.

Следуя опыту В. М. Жирмунского, А. А. Потебни, В. В. Виноградова, Т. Г. Винокура и других ученых-филологов [2; 4; 5; 9; 10; 13] в исследовании литературных произведений, удостоверяемся в том, что изучение художественного текста не должно быть сконцентрировано лишь на формальном языке

¹ Tanzimat (от араб. tanzim — упорядочение) — принятое в литературе название реформ в Османской империи в 1839 — начале 70-х гг. XIX века, способствовавших зарождению капиталистических отношений. — В кн.: Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2004. — 1456 с. — С. 1179.

произведения. Ибо индивидуальность художника слова, можно установить только посредством комплексного анализа. В таком случае возникает вопрос о нераздельности понятий *язык* и *стиль*. Этимологическое значение термина *стиль* — “палочка для письма на восковых дощечках”. Слово *стиль* в переводах древнегреческих текстов по античной риторике более приближено к значению *характер* — *character* (по Дионисию) [12, с. 10]. Определение стиля как *характера* ближе для общего понимания данного термина и лучше раскрывает суть проблемы. Ведь подобно тому, как мы, близко общаясь с индивидуумом, начинаем замечать в нем определенные качества, присущие только его внутреннему миру, так и при глубоком изучении художественного произведения мы устанавливаем индивидуальные черты языка. В результате определяем психологию, образ мышления художника. Это особенно важно при выведении собраний сочинений из состояния *dubia*², при определении психологии поэта, в частности, Джемиля Керменчикли как классика крымско-татарской литературы.

Лексический фонд Джемиля Керменчикли характеризуется насыщенностью слов арабского и персидского происхождения; элементами религиозной мусульманской терминологии. Мы определили следующие группы:

- наименования небесной иерархии: *Cebrail* — Гавриил, *Mikail* — Михаил, *Azrail* — Азраиль, *İsrafil* — Исафил;
- атрибуты богословского учения: *Qur'an* — Коран, *Neft-i yek* — учебник для изучения сур из Корана, *İlm-i hâl* — сборник религиозно-житейских правил, обязательных для мусульманина;
- коранические образы потустороннего мира: *cennet-i me'va* — райский сад, *cehennem* — геенна, *havz-ı kevser* — райский источник, *arş-ı a'lâ* — эмпирей;
- элементы богослужения: *duâ* — молитва;
- цитаты из священных мусульманских книг, свидетельствующие о том, что

поэт, будучи выпускником ведущих религиозных учебных заведений того времени, хорошо владеет теоретическими и практическими знаниями об учении Ислама.

Часто употребляемые им в контексте слова-образы, отражающие мотивы мусульманской эсхатологии³, в большинстве случаев окрашиваются в сугубо политический национальный фон:

“...*Cebrail saña şahidlik iderse,
Mikail de qismetimi keserse,
Azrailin elinde qılinc kelüb
İsrafil de soñ surını üfleser,
Haqqın huzurında biñ yıl yatarım
Red iderse, zorle derim: “Tatarım!”*

*Arş-ı a'lâ ahirete inerse,
Levh-i mahfuz köz öğüme kelirse,
Yedi cehennem, sekiz cennet, bir sırat
Havz-ı kevser “Tatar degilsin” — dirse,
Cümlesini bir tarafa atarım!
Cehenneme kitsem, yine tatarım!”* [6, с. 85 — 87; 27].

(“Татарим”, 1918).

Построчный перевод:

“...Если снизойдет к тебе Гавриил с откровением,
Михаил лишит насущного хлеба меня,
Азраиль придет с мечом в руке,
Протрубит судный день рог Исафила,
В ногах Владыки мольбу свою увековечу.
А не согласен будет, из последних
сил воскликну: “Татарин я!”

Если эмпирей сгинут во тьме потусторонней,
Книга судеб передо мной предстанет,
Рай с геенной одним мостом объединятся,
Устье райское объявит мне: “Ты не татарин”,
Отброшу в сторону всех разом!
В геенну угоджу — я снова татарин!”

(“Татарин я”, 1918).

В данном фрагменте, несущем в себе целую серию коранических образов, ярко очерчена трансляция продолжительной экспансивной напряженности, которая пронизывает все стихотворение. Рефрен “tatarım”, заключающий каждую строфу, еще более усиливает основную идею стихотворения. Благодаря этой устойчивой парадигме каждый эпизод в стихотворении обретает невероятную способность идеологического воздействия на подсознание реципиента. Лексическое значение слова “Tatar” перерастает в произведениях Джемиля

2 *Dubia* (от лат. *dubius* — сомнительный, ненадежный) — раздел собрания сочинений классиков литературы, в котором печатаются произведения, принадлежность которых данному автору не доказана (остается спорной). — В кн.: Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов / Сост. Ю.Б. Борев. — М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. — 575 с. — С. 123.

3 Эсхатология (от греч. *eschatos* — последний, конечный и ... *логия*) — религиозное учение о конечных судьбах мира и человека; учение о конце света и конце времен, которыми в соответствии с линейной концепцией времени, завершится история. — В кн.: Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2004. — 1456 с. — С. 1415; Лобье Патрик де. Эсхатология / Пер. с фр. Н. Зубкова. — М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2004. — 158 с. — С. 5.

Керменчикли в символ народности — Millet, и превращается в главное орудие влияния на национальное самосознание крымскотатарского народа. Само же стихотворение, в полном его объеме, содержит множество примеров олицетворения. Например, это персонификация различных явлений природы, с которыми художник входит в острую полемику:

*"Baş üstümde dolaşıyor bir bulut,
Bana diyor: "Tatarlığı sen unut!"
Hayır dostum, sen bu dertten fariğ ol
Şu sözleri hatırıñda eyi tut:
"Sen ne dirseñ — tatar oğlu tatarım,
Tatarlıqdır mâ-bih-il ifihârım!"*

*Lâtif bahâr rüzgârı küserse,
Dört taraftan accı yeller eserse,
Yerler, kökler, dağlar, taşlar, denizler
Yüz çevirüb yollarımı keserse,
Yol aramam, ortalıqda yatarım,
Ama derim: "Tatar oğlu, tatarım!.."*
[6, s. 85; 27].
("Tatarım", 1918).

Построчный перевод:

*"Над головой моей [все] кружит туча,
Все вторит мне:*

*"Забудь про татарство!"
Нет, друг мой, откажись
от [мысли] больной,
Запомни лучше вот эти слова:
"Что ни говорил бы ты — татарин,
татарина я сын!
Татарство — гордость моя!"*

*Если рассердится нежный
весенний зефир,
Со всех сторон задуют жгучие ветры,
Земля, небеса, горы, камни, моря
Отвернутся от меня, встанут
на пути моем,
Я не буду искать иного пути,
упаду посреди [них],
Но скажу: "Татарин, татарина
я сын!..".
("Татарин я", 1918).*

Материал представленных фрагментов, а также отрывков других стихотворений, которые будут использованы при изучении языка и стиля произведений Джемиля Керменчикли, показывает, что манера письма этого художника, наряду с другими писателями исследуемого периода, больше тяготеет к книж-

ному, официальному, стилю. Как художественные, так и публицистические произведения Керменчикли свидетельствуют, что язык писателя в большинстве случаев однороден, то есть, обусловлен западно-тюркским — стамбульским наречием. Следует заметить, что поднявшийся в те годы ажиотаж вокруг суждений о принадлежности крымского народа к татарской или тюркской языковой группе однозначно предопределял и политическую подоплеку. Например, сторонники пантюркизма организовали так называемые очаги тюркизма — "Turk ocaqları", которые яростно и, следует отметить, справедливо отстаивали этническую принадлежность крымских татар к огузским корням, нежели монгольским. С другой стороны, враждебное отношение оппозиционеров друг к другу порождало излишнюю чувствительность в этническом социуме. Случались такие эпизоды, когда в пределах очагов строго воспрещалось говорить на северно-тюркских наречиях. Одним из сторонников пантюркизма в Стамбуле Зиёй Гёк-Альпом даже была сложена следующая формула:

*"G"li sözler emmeyiz,
Çocuk değil, memeyiz" [14, s. 14].*

Смысловой перевод:

*"У нас язык не поварачивается выговаривать слова с буквой "Г",
Мы не [грудной] ребенок, мы те, кто кормит его".*

Сторонники *протатарства*, в свою очередь, старались отгородить народ от "угрозы" вновь очутиться под давлением Турции. Они намеревались синтезировать наречия казахских, киргизских, поволжских и других тюрков северной языковой группы. При этом они даже не подозревали, насколько сложным может оказаться вопрос об объединении в общий языковой союз фонетически и лексически малосовместимых народных говоров. Эта идея заранее была обречена на провал. Тем не менее, цель обеих сторон была общая: объединить тюркский мусульманский мир. Джемиль Керменчикли также стремился к объединению тюркских народов. Однако им был выбран уже проверенный ханским периодом путь, и путь авторитетной во всем мусульманском мире газеты "Terciman" и ее издателя И. Гаспринского.

Таким образом, обращаясь к вопросу о состоянии языка и учитывая наблюдения А. Гидайба над эволюцией исторического формирования литературного языка в Крыму, мы считаем уместным привести точку зрения А. Н. Самойловича. В отчете о результатах этнографической экспедиции в Крыму в 1916 году ученый-тюрколог детально описывает особенности формирования литературного языка и замечает: "... Как свидетельствуют старинные крымскотатарские письменные памятники, и письменный крымскотатарский язык принадлежал первоначально к

западно-турецкой группе⁴. Впоследствии в связи с политическим и культурным сближением Крымского ханства с соседней Османской державой письменный крымскотатарский язык усвоил южно-турецкий характер как в грамматическом, так и в словарном отношении и, таким образом, в настоящее время он мало отличается в этом отношении от османско-турецкого языка. Главное отличие современного крымскотатарского письменного языка от османско-турецкого заключается в простоте стиля: ему чужды сложные османско-турецкие периоды и чрезмерное пользование иноязычным, арабско-персидским словарным материалом...» [11, с. 101]. Однако, характеризуя письменный стиль крымскотатарского языка как общедоступный, ученый, как бы спохватившись, дополняет: «...но и про крымскотатарский литературный язык, не совпадающий вполне с материнским языком крымских татар обеих групп⁵, приходится на основании личных наблюдений сказать, что во всем своем объеме он становится понятен крымским татарам только после специального его изучения. Те из моих слушателей, которые не прошли мусульманской школы, испытывали затруднения при чтении даже простых родных литературных текстов из-за встречающихся в этих текстах арабских и персидских слов, не вошедших в разговорный обиходный язык...» [11, с. 101 — 102].

Отметим, что в творчестве Джемиля Керменчикли встречаются моменты, когда он подвергает реципиента в затруднительное положение перед осмыслением своего несколько усложненного поэтического словаря. Несмотря на то, что его стихи преисполнены неподдельной преданностью к простонародью и изначально призваны регламентировать интересы всего народа, язык его не интересен

малограмотным слоям общества. В лексиконе поэта встречаются малоиспользуемые в обычной разговорной речи слова, как: *terhet* (араб.) «мазь»; *fasîq, facîr* (араб.) «грешник, развратник». Изафетные словосочетания арабского или персидского происхождения: «*cennet-i me'va*» — *cennet* (араб., перс.) «рай»; *me'va* (араб.) «приют, кров, убежище». *Cennet-i a'lâ* — *a'lâ* (араб.) «более высокий, высший».

Например:

«...Ensem oradan *cennet-i me'vaya*,
Begenmesem, çiqsam
cennet-i a'lâya...» [6, с. 99; 21].

(«Esami cedveli yerine şiir», 1917).

Построчный перевод:

«...Оттуда опустился бы
в обитель райскую,
Не понравится — поднимусь к райским венцам...».

(«Стих вместо поименного списка», 1917).

Пример сложного арабского словосочетания встречается в стихотворении «Tatarım»: «*mâ-bih-il iftihâr*» что в переводе означает «возгордиться». Позже, как мы уже отмечали, Джемиль Керменчикли заменяет данное словосочетание более простым — «*Benim iftihârım!*»:

«...Sen ne dirseñ — tatar oğlu tatarım,
Tatarlıqdır ma-bih-il iftiharım...» [6, с. 85; 27].

Построчный перевод:

«...Что ни говорил бы ты — Татарин, татарина я сын!
Татарство — гордость моя...».

Напряженная социально-политическая обстановка в Крыму, обусловленная постоянной сменой власти, кризисными явлениями в обществе, находящемся на переломном этапе между клерикально-консервативными и новыми прогрессивными идеологиями, отражается на переосмыслении поэтом языка произведений. В его речи наблюдаются резкие контрасты. То он декларирует возвышенное: эпитеты *tahî sedasile* — «сладким голосом, щебетаньем», *gündâhsız melekler* — «невинные, безгрешные ангелы», *güzel bir sabah* — «прекрасное утро», *seyir-gâh* — «прекрасное зрелище»; метафора *secde-gâh* — «Мекка сердец» и др.; то прибегает к язвительной гиперболизации.

⁴ По классификации тюркских наречий А. Н. Самойловича, южнобережное крымскотатарское наречие относится к группе южно-турецких (южно-тюркских — Т. К.) наречий, в состав которых входят туркменские, азербайджанские, а также османско-турецкие наречия и наречия персидских турок. Остальные крымскотатарские наречия и говоры относятся к западно-турецкой (западно-тюркской — Т. К.) группе. К последней группе примыкают наречия ставропольских, терских ногаев, терских балкаров, кубанских карачаевцев, дагестанских кумыков, поволжских татар и других. Классификации тюркских наречий, произведенные Ф. Е. Коршем и В. В. Радловым, отличаются от классификаций А. Н. Самойловича. По их мнению, южно-тюркские — западно-тюркские наречия. Наречия западно-тюркской группы — северо-тюркская группа. Того же мнения придерживаются и А. Гирайбай и Б. Чобан-заде. Нам более приемлемо мнение последних. — В кн.: Самойлович А. Н. Избранные труды о Крыме. Сборник / Ред.-сост. Е. Г. Эмирова; вступ. статья А. А. Непомнящего. — Симферополь: Доля, 2000. — 296 с. — С. 98, 102; Азиз шентимиз Амди Гирайбайнынъ «Къырым тарихы» диссертациясынынъ иляеси: Къырым эдебиятына бир бакъыш // Ыылдыз. — 1995. — № 3. — С. 18 — 20; Çoban-zade B. Kırimtatar edebiyatında Kurultaycılık ve milletçilik. — Bakı: Azərbaycan İlimi tedkik institutu neşriyatı, 1929. — 38 s. — S. 1 — 18.

⁵ Здесь имеются ввиду языковые группы городских, горных, а также степных крымских татар (Т. К.).

БЮЛЛЕТЕНЬ № 12 2007

Tutsa eger yaqañızdan, bir yere,
Qiyamete qadar kelmez iki üçü"
[6, s. 67; 29].
("Vatan hainlerine qarğışlarım", 1917).

Построчный перевод:

"Будьте вы прокляты, эй,
ядовитые змеи,
Пусть кишат в вашем нутре
скорпионы.
Сера расползется по вашим корням,
Изо рта прольется черная кровь.

Пусть с лица земли сотрет вас
потопом,
Срамоту познают ваши глаза.
Что же вам надо еще от народа,
Не хватает разве [их] жертв?

Достаточно от имени народа
Навешали себе всяких чинов.
Сгиньте [прочь] от народа,
Ваше место в затхлых темницах.

В чем же виновен этот бедный народ?
Думаете, на вас не хватит сил?
Вот схватит вас за шиворот...
Счетов не свести вам до судного дня".

("Мои проклятия изменникам Родины", 1917).

Таким образом, *филиппика*, как гневная, обличительная речь, в противоположность *панегирике*⁶, по традиции отождествляющейся с восхвалением, находит особое место в творчестве Джемиля Керменчикли. Сознательно сужая хронологические рамки избранных стихотворений автора до самой точки апогея творческой деятельности поэта (1917 — 1920 годы), мы обнаруживаем, что за короткий, но для Крыма достаточно интенсивный революционный и постреволюционный промежуток времени автор проделал большую работу по созданию богатой коллекции экспрессивных, филиппических по содержанию, речевых форм. Добиваясь большей силы выразительности и реальности эмотив-

ного пространства поэтического произведения, он насыщает текст эмоционально-риторическими паузами и риторическими фигурами, подчиняет лексический строй стиха образно-звуковой системе. Например, в стихотворении "Sevin, ey, sanlı millet!" ("Ликуй, эй, славный народ!"), написанном по случаю свершившейся Февральской революции, язык приближен к *анти-одическому* жанровому стилю. По определению А. Гирайбая, стихотворение испытывает некоторое воздействие литературы периода *танзимата*. В нем присутствуют те же элементы анти тиранического, гражданского пафоса, которые прослеживаются в творчестве И. Шинаси и Н. Кемалья. Причем Н. Кемаль, являясь одним из первых в турецкой поэзии, кто нарушил многовековую традицию, внеся в свои стихи элемент политической борьбы, все же не совсем был готов к тому, чтобы изменить в своем творчестве, в отличие от Дж. Керменчикли, традиционную средневековую форму и язык стихотворений [3, с. 35]. Например, среди его стихов имеются *касыды*⁷ (оды). Несмотря на то, что они содержат, гневное словесное бичевание властимущих, заменившее панегирический стиль, язык, все же сохраняет элементы старой османской поэзии [3, с. 8].

Вот один короткий эпизод из касыды:

"...Biz ol nesl-i kerim-i düde-i Osmâniyâniz kim
Cihângirâne bir devlet çıkardık bir aşiretten.

Biz ol ulvi-nihâdâniz ki meydân-ı hamiiyyette
Bize hâk-i mezâr ehven gelir hâk-i mezelletten.

Ne gam, pür-âteş-i hevl olsa da gavgaa-yı hüriyyet!
Kaçar mı merd olan bir cân için meydân-ı gayretten

Kemend-i cân-güdâzi, ejder-i kahr olsa cellâdin
Müreccaktır yine bin kerre zencir-i esâretten.

Felek, her türlü esbâb-ı cefasın toplasın gelsin
Dönersem kahbeyim millet yolunda bir azimetten..."
[16, s. 68 — 70].

Построчный перевод:

"...Мы — то славное наследие Османского рода, что
Из племени победоносно основало государство.

Мы из высших созданий, на попрание патриотизма
Нам предпочтительней могила, нежели низкая
трусость.

Не скорбно, если битвой за свободу овладевает
трепета пламень!

6 Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов / Сост. Ю.Б. Бореев. — М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. — 575 с. — С. 287; Маслинова О.С. Словник філологічної термінології та номенклатури творів М.С. Грушевського. — Сімферополь: Кримське навчально-педагогічне державне видавництво, 2002. — 256 с. — С. 241.

7 Kaside (от араб. Касыда, — ода). Первоначное предназначение касыды — восхваление собственного рода, племени, правителей, высокопоставленных чиновников, или же напротив — порицание вражеского неприятеля. Стихотворение по своей форме состоит из бейтов (двустопный). В среднем общее количество бейтов в одной касыде составляет минимум 33, максимум 99. Однако в отдельных поэтических произведениях количество бейтов достигает и более ста. — В кн.: Büyük türkçe-rusça sözlük: 48000 kelime / Haz. A.N. Baskakov, N.R. Golubeva, A.A. Kâmileva, K.M. Lyubimov, F.A. Salimzyanova, R.R. Yusipova. — İstanbul. Multilingual, 1994. — 950 s. — S. 519; Osmanlıca-Türkçe Lugat. / Haz. Ferit Devellioğlu. — Ankara: Aydın kitabevi yayınları, 1997. — 1195 s. — S. 493; Banarlı N.S. Resimli Türk edebiyatı târihi. C. I. — İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1998. — 634 s. — S. 186 — 190.

Однако покинет ли храбрец ради
спасения души битву мужей?..

Мучитель если твой —
смертоносный аркан,
дракон-убийца,
То это лучше в тысячу раз,
чем пути неволи.

Пусть фатум прибегнет ко всем
способам истязаний,
Но быть мне изменником, откажись
я от пути народа...”.

Одический язык Керменчикли также приобретает язвительные, а порой и вульгарные качества, но в нем уже отсутствует усложненный арабскими и персидскими изафетами османский язык средневековой дворцовой литературы.

“...Sevin, ey şanlı millet! Qırdıñ
esaret zincirini,
Sapla! hainlerin yüregine
kendi hanceriñi.
Onıñ demir pancasında çoq
çekiştiñ, inlediñ,
Şimdi o da hazırlasun kendi
yatacaq yerini.

Vir! mikroblara, yesünler
cigerini, yüregini
Bıraq! köpeklere, kemirsünler
sasıq süyegini.
Onıñ qanlı tırnaqları arasında çoq sezildiñ.
Zamandır, bıraq! Cellâd vırsün onlara
kereğini.

Bıraq! Biraz damarında dolaşan
qan qurusun.
Bıraq! Biraz zindanlarda
kemikleri çürüsün.
Bıraq! Biraz sürgünlerde bizim
kibi yürüsün.
Bıraq! Biraz közlerinde hasret qanı
büürsün” [6, s. 75 — 77; 25].

(“Sevin, ey, şanlı Millet!”, 1917)

Построчный перевод:

“...Ликуй, эй, славный народ!
Ты разбил цепи неволи,
Вонзи! Свой кинжал в сердце
вандалов.
Ты долго мучился, стонал
в их железной лапе,
Пусть и они сейчас готовят
могилу себе.

Отдай! Микробам, пусть они пожирают их нутро!
Брось! Псам, пусть обгладывают их зловонные кости!
Ты долго был у них меж облитыми кровью когтями,
Пора, брось! Палач воздаст им за все.

Брось! Пусть немного и в их жилах
попортится кровь,
Брось! Пусть немного погнут и их кости
в темницах,
Брось! Пусть немного, как и мы, поскитаются
по чужбине,
Брось! Пусть немного и в их глазах отобразится
тоски печаль”.

(“Ликуй, эй, славный народ!”, 1917).

Поэт, будто потерявший чувство контроля над своими деяниями революционер, побуждает народ к жестокой расправе над побежденными угнетателями, зовет оскорбленный, изнуренный бесконечными притеснениями, ссылками и арестами народ покарать оставшихся безнаказанными чиновников, помещиков, служивших некогда всемогущей власти царской России. Для этого используется такой синтаксический прием, как словесные повторы в начале строк — анафорические словосочетания: *bıraq! Biraz* — “брось! Пусть немного”, которые придают стихотворению особую художественную выразительность. Поэт использует анафорическую строфу в комбинации со звуковыми повторами — аллитерацией и ассонансами. Изливая желчь крайней неприязни к своему недоброжелателю с помощью организованно вспыхивающих в начале строки и в конце угасающих гласных [a], [ı], [i], [u], [ü] и согласных [b], [r], [q], [z], [d], [n] звуков, как бы создает чувственный образ “б-б-р-р-ю-ю-з” глнвости. Накаленная, испепеляющая все вокруг обстановка, создаваемая автором при артикуляции заключительного четверостишия, “озвучивает” жуткую картину: разъяренная свора собак, которая с лаем, рыком обступив свою изнеможенную жертву, готова разорвать ее на части.

Повторы довольно часто встречаются в поэтических произведениях Джемиля Керменчикли, и не только в филиппических речах. Это рефрен и анафора, о которых мы уже говорили, а также тавтология, параллелизмы, лексические повторы в пределах одной строки или строфы, лексические повторы, использующиеся как на протяжении определенного стихотворения, так и на протяжении всего литературного цикла поэта.

Попытаемся классифицировать некоторые из них по различным ситуативно-смысловым оттенкам.

Анафора делится на:

1) отмечающую характерные признаки исторического прошлого этнического социума:

“...O ecdad ki, ata binse, dağ-taş dimez aşardı; O ecdad ki, sevdiği sey — temiz yürek, doğru söz; O ecdad ki, cavurı keñ, boynı qısa ve qalın, / Yaltıravıq közlerinden saçılır ateş, yalın...” [6, c. 59; 18] —

“...Он тот предок, что, вскочив на коня, не

оставлял камня на камне; Он тот предок, что преклонялся перед чистым сердцем и верным словом; Он тот предок, что имел широкие плечи, короткую и толстую шею, / Из глаз блистающих своих проливал огонь и пламя...”;

2) побуждающую к незамедлительному действию:

“...Tatar, neçün baş üstünde dalğalanmay kök sancaq; Tatar! Ur, yıq, urul, yıqıl, devir, devril, yine qalq...” [6, s. 83; 26] —

“Татарин! Отчего над головой у тебя не развевается голубое знамя; Татарин! Бей, вали, бейся, падай, вопоти, [будь] повергнут, вставай вновь...”;

3) избличающую схоластические настроения в стенах национальных учебных заведений той эпохи:

“...Nerde qaldı o nizamsız mektebler, / Nerde qaldı o vicdansız kötekler, / Nerde qaldı o muallim efendi, / Baş ucunda tayağı bekler...” [6, s. 102; 22, s. 74 — 75] —

“...Куда подевались те беспорядочные школы, / Куда подевались те бессердечные побои, / Куда подевался тот господин-учитель?!. / Стоящий над головой с палкой в руке?!.”;

4) указывающую на чрезвычайное положение в обществе; предостерегающую:

“...Tatar oğlu! Baq, şu harab mezarlığa bir düşün!; Tatar oğlu! Sende ise ne qılınç var, ne qalem!; Tatar oğlu! Büyüklerden saqın imdad bekleme...” [6, s. 59 — 61; 18] —

“...Сын татарина! Посмотри на это оскверненное кладбище, одумайся!; Сын татарина! У тебя же нет ни пера, ни сабли!; Сын татарина! Ни в коем случае не ищи помощи у владык влиятельных...”.

Отмеченные единоначалия в стихотворениях поэта выражают высокий стиль духовного наставника, заставляют реципиента задуматься над своим будущим и принять верное решение в пользу светлого будущего Отчизны.

Тем же способом можно классифицировать и лексические повторы, несущие свое особое предназначение в поэтическом контексте Джемиля Керменчикли. Вот некоторые вариации наиболее часто повторяющихся корневых слов или словосочетаний в его стихах:

1) qılınç — сабля, hukm — власть, qalem — перо:

“...O zan itdi (ecdat — Т. К.) qiyamete qadar qılınç hükm ider, / Hiç dimeden qalem kelir, qılınçın hükmü biter; Tatar oğlu! Sende ise ne qılınç var, ne qalem; Elimdeki qırıq qalem ile ben gidiyorum...” [6, s. 61; 18]; “Üç-beş yıldan beri mende, / Qırıq qalemçigim elde...” [6, s. 71; 23] —

“...Он думал (предок — Т. К.), что [миром] до судебного дня будет править сабля, / Несмотря на то, перо взяло свое — закончилось правление сабли; Эй, сын татарский! У тебя нет ни пера, ни сабли; Я иду со сломанным пером в руке...”. “Вот уже как несколько лет у меня, / В руке сломанное перо...”.

2) millet — народ, tatar — татарин:

“...Bilmem daha ne istersiz milletden; Yetişir bu milletin sayesinde, / Taqındığıñız çeşid-çeşid unvanlar. / Defol gidiñ bu milletin başından; Nedir bu zavallı milletin suçu...” [6, s. 67; 29]; “Mazlum millet, qorqu ile sayıqlarken bunları, / Qahramanlar aldı meydan, devirdi zalımları...” [6, s. 75; 25] —

“...Я не знаю, что же вам надо от народа; Достаточно от имени народа / Навешали себе всяких чинов. / Сгиньте [прочь] от народа; В чем же виновен этот бедный народ...”; “...Угнетенный народ бредил ими в страшном сне, / [Однако] пришло время от важных, они свергли тиранов...”;

“...Yazmaq içün başta bize / Kerek temelli qaideler, / Bundan soñ tatar sarfları...” [6, s. 71; 23]; “Ben tatarım, eñ küçük bir şeye ben köz yumttım; Ben o tatarın oğluyım, keri almazdı sözüni; Ey tatarı seven, acıyan vicdanlar qorqmayın; Büyük tatarlığa virdiğiñiz büyük andları, / Namusıñız üzere virdiğiñizi unutmayın; Qanı bozuq, qalbi çürük, yüzü qara babam olsa, / Çıqsun tatar dünyasından, cehenneme yıqılsun” [6, c. 81 — 83; 26] —

“...Для того, чтобы писать нам, сперва / Необходимы фундаментальные правила, / После — татарская грамматика”; “Я — татарин, я не буду закрывать глаза [даже] перед мелочью; Я сын того татарина, который не отказывался от своих слов; Эй, любящие, сочувствующие татарину люди, не бойтесь; Не забывайте / Великие клятвы, которые вы с честью давали ради Великого татарства; Если даже отец мой окажется с испорченной кровью, прогневившим сердцем и лицом, / То пусть покинет татарство и сгинет в ад...”.

3) mikrob — микроб, qan — кровь, dogmaq — рождаться, yasamaq — жить, olmak — умереть:

“...Ey, zeherli mikroblar!...” [6, s. 69; 30]; “Ne çare ki, kündoğuşdan kelgen sarı mikroblar, / Bu yemişler pişer-pişmez arasına soqulır; Küz kelgende yemişçiniñ beñzi-beti sarı-sarı, / Uzun, ince, sarı mikrob sağlamlaşır, semirir...” [6, s. 57; 17]; “Vir! mikroblara, yesünler cigerini, yüregini...” [6, s. 75; 25] —

“...Эй вы, ядовитые микробы!...”; “Что поделаешь, [эти] желтые микробы, пришедшие с Востока, / Проливают в едва созревшие плоды; С приходом осени,

лицо торговца становится желтым, / В это время крепнут длинные, тонкие, желтые микробы; "Отдай! микробам, пусть они пожирают его нутро...";

"...Şanlı mazi, qanlı tarih hepsi buña şahiddir, / Baqınız, bu harabeler hep o devre aiddir; Bu mezarlıq, bu harabe, bu tatarlıq, bu Qırım, / Artıq senden bekleyur kendi içün qan, can, ölüm..." [6, s. 59 — 61; 18]; "Közine qan düşen asker, süngü-süngüye keles; "Havada qan, deryada qan, qarada qan, hep qan" [6, s. 95; 20] —

"...Славное прошлое, кровавая история — все напоминает нам об этом, / Вы посмотрите на эти руины — это свидетельствует о тех временах; Это кладбище, эти руины, это татарство, этот Крым / Ожидают лишь от тебя крови, жизни, смерти..."; "Солдаты с залитыми кровью глазами [от злобы] идут штык на штык; Небо в крови, река в крови, суша в крови — все в крови...";

"...Nerde büyük, ulu, ölmez namlı, şanlı o hanlar?" [6, s. 61; 18]; "Yaşav mümkün iken, ölmek de ne var?! / Doğmaq, ölmek / Yine doğmaq, yine ölmek bittekrar" [6, s. 79; 24]; "Yaşa, yaşat, öl, öldir ne ister, söylesün halq..." [6, s. 83; 26]; "Söyle qardaş! Ne qazandıñ öldirmekden bir insan; Ne içün öldürürsün, kim içün öliürsün?" [6, s. 95; 20]; "Biz oquvsız yine açdan ölmedik; Bu söz doğru, biz açlıqdan ölmedik; Tek ölmedik, tek ölmedik, ölmedik..." [6, s. 102; 22] —

"...Где же [то] громадное, великое, бессмертное, именитое, славное ханство..."; "Ведь жизнь возможна, [так] чего же умирать?! / Рождаться, умирать, / Рождаться и вновь умирать..."; "Живи, оживляй, умирай, и пусть люди говорят, что хотят..."; "Скажи, брат! Чего ты добился, убивая человека; За что ты убиваешь, ради кого ты погибашь?.."; "Мы не умерли с голода оттого, что мы безграмотны; Да, это так, с голоду мы еще не умерли; Но только не умерли, только не умерли, умерли...".

Приведенные примеры анафор и словесных повторов, встречающиеся в различных ситуативных вариациях в стихотворениях Джемиля Керменчикли, иллюстрируют характер мышления ав-

тора. На наш взгляд, с помощью анафор и отдельных лексических повторов поэт входит в интонационный диалог со своим читателем, пытается найти общий язык с народом. Здесь творческая мысль художника приобретает медитативный характер. Его глубокие размышления о дне грядущем переплетаются со стихией природной закономерности. Слова *ölmek* (умереть), *doğmaq* (рождаться), *yaşamaq* (жить), составляющие единую парадигму, в словаре художника связаны образом колеса жизни. Для него смерть не значит конец жизни, наоборот, смерть в его понимании — это новое начало. Умереть — значит, начать жизнь заново. В философии Дж. Керменчикли прошлое (несмотря на то, что славное прошлое предков — *ecdad* занимает особое место в творчестве поэта) также ассоциируется с опустевшим, разрушенным кладбищем — *harab mezarlıq*, темным, кровавым, смутным временем — *qanlı tarih*.

Таким образом, новое рождение народа, по мнению Джемиля Керменчикли находит начало в идеях революции, ради которых он готов умирать и вновь воскресать. Поэт с презрением относится и к прошлой жизни, и к тем, кто стремится удержать уходящее в забвение темное, невежественное прошлое. Поэтому в его частых словоупотреблениях *qılınç hüküm ider* — "властвование меча" или *nerde qaldı* — "где остались" чувствуется и скорбь, и саркастическая ирония. Автор систематически использует их, выражая свое тяжелое душевное состояние, которое неоднократно подчеркивается преисполненными отчаяния словами *qırıq qalem ile ben gidiyorum* — "я иду со сломанным пером" или *qırıq qalemçigim elde* — "в руках со своим бедным сломанным пером". Образ сломанного пера возникает в послереволюционный период в Крыму, когда поэт осознает, что искренние надежды на революцию оказались банальной иллюзией. Главное орудие — *qalem*, с помощью которого художник расчищал путь в блаженное будущее народа, оказалось непосильной ношей в его руках. Поэт пронесет сквозь толщу истории это некогда всесильное орудие, тем самым демонстрируя свою непреклонную преданность народу — *millet*, татарству — *tatarlıq*. Он все еще пытается отгородить народ от инородных ядовитых микробов — *zeherli mikroblar*, покушающихся на его устои, а следовательно, — на жизнь.

Выделенные нами парадигмы, мигрируя из одного поэтического произведения в другое, закрепляют лингвостилевые вкусы автора, фиксируя непоколебимость национальных культурных ценностей, хранящихся в его сознании. Нужно отметить, что эти слова-образы, имеют функцию структуризации и объединения произведений⁸, созданных Джемилем Керменчикли на протяжении всей его творческой деятельности.

Наряду с лексическими повторами поэт употребляет и другие стилистические фигуры, например,

8 Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов / Сост. Ю.Б. Бореев. — М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. — 575 с. — С. 299.

градацию. Таким образом, он создает эмотивный фон, насыщенный напряженным эмоциональным описанием явлений, наблюдаемых в жизни крымского татарина. Например, в стихотворении "Son söz" ("Последнее слово") можно выделить парадигматический ряд глаголов, передающий усиление императивной формы, обладающей значением убеждения в необходимости предпринимаемых действий:

"...Tatar! Ur, yuq, urul, yıqıl, devir, devril, yine qalq,

Yaşa, yaşat, öl, öldir ne ister, söylesün halq.

Yükselmek degilmi arzuñ? Ya neçün yükselmiyursuñ?

Eger yükselmek isterseñ, yere degil, kökke baq!" [6, s. 83; 26].

("Soñ söz", 1917).

Построчный перевод:

"...Татарин! Бей, вали, бейся, падай, вороти, [будь] повергнут, вставай вновь,

Живи, оживляй, умирай, борись, и пусть люди говорят, что хотят.

Разве не твоя мечта возвыситься? Так почему же ты не возвышаешься?..

Если хочешь возвыситься, [тогда] смотри не на землю, на небо!".

("Последнее слово", 1917).

Методом специального подбора динамически нарастающих заостренных по значению слов художник достигает высокой степени экспрессивности сюжета. Порой враждебность к апокалиптической хаотичности, сопровождающей его на протяжении всего творческого пути, может доводить до крайности. Он способен идти на решительные поступки ради достижения намеченной цели, используя элементы градации:

"...Qorquñ şemşek hiç
durmayub çaqarsa,
Her tarafı yıldırımlar yaqarsa,
Biñ yıl yağmur, burçaq, qar,
buzlar yağub,

Düşen seller ortalığı yıqarsa,
Yükselirim, alçalırım, batarım,
Yer altına kirsem, yine tatarım!"

[6, s. 85; 27].

("Tatarım", 1918).

Построчный перевод:

"...Если зарницы [по небу разольются]
ужасными огнями,
И молнией вокруг все будет сожжено,
Веками будут рушить вокруг
Дождь, град, снег, [и] сели...
Я буду падать, вставать, [снова] вязнуть,
Провалиться сквозь землю мне, татарин я!".

("Татарин я", 1918).

Экспрессивность является характерной чертой поэтического языка Джемиля Керменчикли. Поэт действует по своему этическому кодексу, который полностью соответствует революционной морали с ярко выраженным национализмом в патриотическом значении этого слова.

Изучая язык поэта, мы выявили его приоритетные стили: нейтральный и возвышенный одический стиль, сливающийся с насыщенными тонами язвительной филиппической речи. В творческом контексте Джемиля Керменчикли встречаются и элементы речи, присущие простому народному говору. Свидетельством тому служат слова и выражения проклятий (*qargışlar*) как специфического жанра крымскотатарского устного народного творчества. Некоторые проклятия имеют место и в ранее проиллюстрированных нами примерах филиппической речи.

В стихах художника также встречаются и отдельные сюжеты из крымскотатарской детской игры в считалки:

"...Seni "cahil" — diye mısıl ideniñ
Bildigi baq nedir, Ğarphıya köre:
"Çatra-potra, babam tavşan ketire,
Bize qalmay, anam aşay bitire..." [6, s. 91; 28].

("Uçurımın başındayız", 1918).

Построчный перевод:

"...Называющие невеждой тебя, насмехающиеся.
Знания их, по сравнению с теми, кто с Запада:
"Чатра-потра, зайца принес мой отец,
Мама все съела, нам не хватило...".

("Мы на склоне обрыва", 1918).

Порой в поэтическом контексте Джемиля Керменчикли встречаются отдельные слова, присущие крымскому степному наречию. Например, *celke* (в южн. диал. *yelke*) — часть шеи ниже затылка. Или слово *cavur* — богоотступник, неверный (в южн. диал. *yavur*, *gâvur*). В контексте стихотворения слово "cavur" имеет второе значение — "плечи".

"...Zavallılar celkesine qurulan,
Üç yuz yıllıq hakimiyet yanyor..." [6, s. 63; 19].

("Büyük yangın", 1918).

Построчный перевод:

“...Восседавшее [когда-то]
на шее бедолаг
Горит трехсотлетнее государство...”

(“Великий пожар”, 1918).

“O ecdad, ki *cavurı* keñ, boynı qısa
ve qalın,
Yaltıravuş közlerinden saçılır ateş,
yalın....” [6, s. 59; 18].

(“Büyük bayram şerefine”, 1917).

Построчный перевод:

“Он тот предок, что имеет широкие
плечи, короткую и толстую шею,

Из глаз блистающих своих проливал
огонь и пламя...”

(“В честь великого празднества”, 1917).

Эти и другие примеры индивидуального стиля Джемиля Керменчикли позволяют сделать следующие выводы:

1) поэт больше тяготеет к нейтральному книжному стилю, нежели возвышенному и просторечию. В выборе своего языка, Джемиль Керменчикли опирается на весь тюркский мир, а не на отдельную какую-либо географическую широту расположения определенного тюрко-язычного мусульманского этноса. Он мыслит глобально, считая, что язык, как и все проблемы, возникающие на фоне социально-экономических и политических разладов в обществе тюрко-язычных мусульман, должен быть единым для всего тюркского мира. Поэт не пытается изобрести новый язык, как это делают его соратники по перу. Он следует заповедям своего духовного наставника И. Гаспринского.

2) Дж. Керменчикли питает свое творчество идеями предводителей новой турецкой литературы — Ибрагима Шинаси, Намыка Кемаля и других последователей культурных реформ в Турции. Однако в отличие от своих соплеменников поэт не ввергается в пучину фанатичного отстаивания какой-либо языковой идеологии, напротив, с помощью стамбульского наречия старается поведать всему миру о своей национальной гордости “Tatarlıq — Millet” (“Татарство — Народ”). Это именно то, к чему он стремится в течение всей творческой де-

ятельности. Свидетельством тому служит широкий арсенал лексических средств, которые поэт использует в своем творчестве. Это так называемые мигрирующие, то есть перемещающиеся из одного произведения в другое, лексические повторы. Они помогают нам выявить лексический фонд, присущий лишь *характеру* произведений Джемиля Керменчикли.

3) широко используемые поэтом экспрессивные лексические средства, насыщенная гиперболизация, резкая филиппическая речь призваны быть в поэтической материи автора рецептором эстетической категории порочного и идеального.

4) стихотворения Джемиля Керменчикли ассоциируются с историческим вестником, в котором он повествует как о прошлом, так и о настоящем своего народа. К примеру, это стихотворения, представляющие общую картину анархического состояния имперской России, ее неуклонные попытки захватывать чужие территории, с последующим искажением их истории и вытеснением, а часто и выселением, автохтонного населения. В таких стихотворениях, как “Büyük yangın” (“Великий пожар”), “Büyük bayram şerefine” (“В честь великого празднества”), художник употребляет следующие географические названия: *Rusiye* — Россия, *İran* — Иран, *Astr-han* — Астрахань, *Qazan* — Казань, *Qırım* — Крым. Или *Qavqaz* — Кавказ, *Tuna* — Дунай, *Istanbul* — Стамбул, *Japon* — Япония и другие. Посредством их поэт в своих летописях фиксирует различные исторические события, имеющие место в прошлые столетия. Например:

“...Üç yuz yıllıq hakimiyet yanıyur; / Ğururından arslan kibi hırlayan, / Közleri ta *İstanbul*a fırlayan, / *Aya-Sofiya* camını horlayan, / Merhametsizler tutaştı, yanıyur; / *Buhara-i Şerif*, *İran*, *Astr-han*, / *Qazan*, *Qırım*, *Qasım*, *Qavqaz*, *Noğay-han* / Bu yüzden olmuştı yer ile yeksan...” [6, s. 63; 19] —

“...Горит трехсотлетнее государство; / Рыком заключая заносчивость льва, / В Стамбул проникали алчные взгляды, / В муках терзали Ай-Софию — мечеть, / Пылают, горят черствые души; / Иран, Бухара, Астрахань, / Казань, Крым, Касым, Кавказ, Ногай / Прахом сравнялись волею их...”

К словам-реалиям можно отнести и употребления терминов, присущих учению об Исламе. О них мы неоднократно упоминали в процессе анализа поэтических текстов Джемиля Керменчикли. Поэт использует также военную лексику. Это наименования военного арсенала: *top* — ядро, *tüfenk* — ружье, *bomba* — бомба, *şarapel* — шрапнель, *kartec* — картечь, *qırsun* — пуля, *pulemöt* — пулемет. Вот некоторые примеры таких слов в контексте:

“...Asker qatdı uyquda iken, qorıyır qıyamet, / *Top*, *tüfenk*, *bomba*, *şarapel*, *kartec*, *qırşun*, *pulemöt*. / Bir taraftan atlı asker, bir taraftan piyade. / Hücümün şiddeti artıyor ketdikçe ziyade...” [6, s. 93; 20] —

“...В то время как крепко спал солдат, поднялся грохот, / Ядра, ружья, бомбы, шрапнели, картечь, пули, пулеметы. / С одной стороны солдаты на конях, пешие

— с другой, / С каждым разом все больше и больше ужесточается битва...". Богатый лексический арсенал военных терминов характеризует в поэтическом тексте специфику реальных военных действий.

Перечисленные нами часто употребляемые примеры слов-реалий также можно отнести к одной из примет творчес-

кой индивидуальности художника, так как они являются неотъемлемой частью его методов оповещения исторической хроники. Еще одним отличительным свойством поэтического стиля Джемиля Керменчикли является то, что в большинстве случаев (как это показывают примеры его стихотворений, приведенные нами выше) данные историзмы и наименования военных аксессуаров перечисляются художником в бессоюзном предложении посредством знаков препинания.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Азиз шейтимиз Амди Гирайбайнынъ "Къырым тарихы" диссертациясынынъ иля-веси: Къырым эдебиятына бир бакъыш // Йылдыз. — 1995. — № 3. — С. 18—20.
2. Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. Избранные труды. — М.: Наука, 1990. — 388 с.
3. Гарбузова В.С. Поэты Турции XIX века. (Очерки жизни и деятельности). — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1970. — 114 с. — С. 35.
4. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. — Л.: Наука, 1979. — 491 с.
5. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л.: Наука, 1977. — 404 с.
6. Керменчикли Джемиль. Ма-бих-иль ифтихарым — къырымлыктыр меним гъурурым. Макъалелер ве шиирлер джыйынтыгы / Тертип этиджи Т.Н. Киримов. — Акъмесджит: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2005. — 135 с.
7. Кулаков В. Поэзия как факт. Статьи о стихах. — М.: Новое литературное обозрение, 1999. — 400 с.
8. Кямилев Х. Общественные мотивы в турецкой поэзии. (Конец XIX — середина XX века). — М.: Наука, 1969. — 185 с. — С. 8.
9. О языке художественной литературы: Учеб. пособие для филол. спец. вузов / Сост. Т.Г. Винокур; предислов. В.П. Григорьева. — М.: Высшая школа, 1991. — 448 с.
10. Потемня А.А. Теоретическая поэтика / Сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратова. — М.: Высшая школа, 1990. — 344 с.
11. Самойлович А.Н. Опыт крымскотатарской грамматики: Общая характеристика крымскотатарских разговорных наречий и письменного крымскотатарского языка. — В кн.: Самойлович А.Н. Избранные труды о Крыме: Сборник / Ред.-сост. Е.Г. Эмирова; вступ. статья А.А. Непомнящего. — Симферополь: Доля, 2000. — 296 с.
12. Устюгова Е.Н. Стиль и культура: Опыт построения общей теории стиля. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. — 260 с. — С. 10.
13. Хазиев В.Е. Теория литературы: Учебник. — М.: Высшая школа, 2005. — 405 с.
14. Çoban-zade B. Kırmıtatar edebiyatında Kurultaycılık ve milletçilik. — Bakı: Azərbaycan İlmî tedkik institutu neşriyatı, 1929. — 38 s. — S. 14.
15. Hikmet Hanoğlu R. Halk edebiyatı, Tercuman ve zamanımız edebiyatı devirleri // Emel. — 1962. — № 13. — Kasım. — S. 20—21.
16. Kabaklı A. Türk edebiyatı. Cilt 3. Gözden geçirilmiş Onikinci Baskı. — İstanbul: Aydoğdu Ofset, 2004. — 848 s.
17. Kermencikli C. Bizim bağça. Şiir // Yeşil ada. — 1920. — № 1. — apr. 15. — S. 7.
18. Kermencikli C. Büyük bayram şerefine // Millet. — 1917. — noyab. 3.
19. Kermencikli C. Büyük yangın. Şiir // Millet. — 1918. — iyul. 31.
20. Kermencikli C. Cenk meydanı. Şiir // Millet. — 1917. — iyul 6.
21. Kermencikli C. Esami cedveli yerine şiir. Şiir // Millet. — 1917. — sent. 11.
22. Kermencikli C. Eski mektebler. Şiir / H. Odabaş ve H. Hacı Hasan. Türk tatar tili. Birinci bölüm. Kırmıtatar edebiyatından örnekler. — Aqmescit: Qırım Maarif Komisarlığı neşriyatı, 1923. — 98 s. — S. 74-75.
23. Kermencikli C. Öz tilimiz. Şiir // Millet — 1918. — noyab. 20.
24. Kermencikli C. Sen olme, dog. Şiir // Millet. — 1917. — Okt. 3.
25. Kermencikli C. Sevin, ey, şanlı millet! Şiir // Terciman. — 1917. — mart 16.
26. Kermencikli C. Soñ söz. Şiir // Millet. — 1917. — iyün 27.
27. Kermencikli C. Tatarım. Şiir // Millet. — 1918. — avg. 2; okt. 16.
28. Kermencikli C. Uçurımın başındayız. Şiir // Millet — 1918. — avg. 8.
29. Kermencikli C. Vatan hainlerine qarğışlarım. Şiir // Millet. — 1917. — sent. 28.
30. Kermencikli C. Vatanımdan çıq! Şiir // Millet. — 1918. — iyül 28.
31. Kırımlı H. Kırım Tatarlarında milli kimlik ve milli hareketler (1905 — 1916). — Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1996. — 296 s.
32. Türk dünyası edebiyatı. Cilt. I. — Ankara: Aydoğdu ofset, 2002. — 313 s.

МИСТЕ ХОТТОП-РИКЕ,
сотрудник Института
Тюркологии Свободного
Университета Берлина

**QIRIMTATARCA'DAKİ ALMANCA
KÖKENLİ KELİME HAZİNESİ İLE
ALMANCA'DAKİ
TÜRKÇE KÖKENLİ KELİME HAZİNESİ
ÜZERİNE BİR ARAŞTIRMA
(ETİMOLOJİ VE ANLAM DEĞİŞİKLİĞİ
HAKKINDA NOTLAR)**

У данній статті досліджується використання німецьких слів у кримськотатарській, турецькій та російській мовах. Надаються приклади використання застарілих німецьких слів у кримськотатарських та турецьких мовах, аналізуються причини їхньої трансформації.

Ключові слова: Кримськотатарська мова, німецька мова, словник, слово, історія, топоніміка.

В данной статье исследуется употребление немецких слов в крымскотатарском, турецком и русском языках. Приводятся примеры использования устаревших немецких слов в крымскотатарском и турецком языках, анализируются причины их трансформации.

Ключевые слова: Крымскотатарский язык, немецкий язык, топонимика, словарь, слово, история.

In this article the using of german words in crimeantatar, Turkish and Russian languages are looking on. There are some examples of using of old german words in Crimean Tatar and Turkish languages, also the reasons of their transformation are analised. There are also some examples of ethnonimes in German language and Turkish toponymy in modern German.

Key words: Crimean Tatar languages, German languages, dictionary, word, history, toponymy.

Milli dillerin kelime hazineleri incelendiğinde farklı kültürler arasındaki ilişkiler açık biçimde müşahede edilebilmektedir. Eski zamanlarda yabancı bir dilden alınmış ve şekli itibariyle tamamen almancalaşmış ya da tatarcalaşmış kelimeler gerçekte bir tarih aynası gibidir. Kırimtatarca'nın ve Almanca'nın kelime hazinesi incelendiğinde böyle ilişkilerin bulunduğu anlaşılmaktadır. Bu çalışmanın ilk bölümünde Qırimtatarca'daki Almanca kökenli sözcükler, ikinci bölümünde ise Almanca'daki Türkçe kökenli sözcükler hakkında bilgiler verilecektir. Çalışma değişik sözlükler üzerinde yapılan araştırmalara ve bazı mülâkatlara dayanmaktadır. Özellikle Seyran Memetoviç Useynov tarafından hazırlanan Qırimtatarca-Rusça ve Ukraynca-Kırimtatarca sözlükler bu çalışmada esas alınmıştır.

I. Qırimtatarcadaki Almanca kökenli kelimeler:

Türk dilinde olduğu gibi Qırimtatar dilinde de çok sayıda Arapça, Farsça ve eski doğu dillerinden⁹ alınmış kelimelerin dışında çok sayıda Rusça kelime vardır. Aslında Rusça veya Ukraynca zannedilen kelimelerden bazıları Almanca kökenlidir. Bu kelimeler farklı çağlarda Alman dilinden Rusça'ya oradan da Qırimtatarca'ya geçmiştir. En eski göç edilen kelime tabakasındaki sözcüklerin manası eski yüksek Almanca, orta yüksek Almanca ve Kırimtatarca'da aynıdır. Bugünkü Almanca'da bile bazı kelimeler kullanılmamaktadır. (şömpol, şurup). Demek ki bu sözcükler eski zamanlarda Almanca'dan gelmiştir. Kanaatimize göre, bu kelimelerin tam olarak ne zaman geldiğinin tespiti için araştırmalar yapılması gerekmektedir. Böyle bir araştırma yapılırken çağdaş edebiyatı göz önünde bulundurmak icap etmektedir.

1.1. En eski Almanca'dan gelen kelime tabakası için örnekler:

⁹ Ezcümle şu dil: Altay dillerinden Mançu dili, Kumanca ve Moğol; Hint-Avrupaî: Sogd ve Tohar dilleri ve de 11. yy.a kadar konuşan eski ve orta çince.

— der Blick/blik/блик¹⁰ — Sözcük *Blick* eski yüksek Almanca (Althochdeutsch) ve orta yüksek Almanca'da (Mittelhochdeutsch) «birdenbire, ansızın nur ışın salmak» manasına gelmişti. Ondan evvel *blek-a-* (yani Almanca *ışık saçmak*) ve *bleik-a-* (Almanca *parıldamak*) manasına geliyordu. Bugünkü Qırımtatarcada hala tam bu anlamı taşımaktadır. Hali hazırdaki Yüksek Almanca'da o esnada “nazar, bakış” manasında kullanılır. Qırımtatar dilindeki gibi Rus dilinde de ‘*blik*’in eski manası hâlâ vardır ve öyle kullanılır. Demek ki ‘*blik*’in yolu relatif kesindir. Böylece ‘*blik*’in göçmen tarihi emindir: ‘*blik*’ manasının değiştirmeden evvel olması lazımdır, demek ki 18. yüzyılın son yıllarından önce. O zaman da Almanca'da ‘*blik*’ manası değiştirmeye başlamıştı.

— Der Ladestock [ladıştok = palasturpa] <şompol/шомпол¹¹ Bu alman sözü de eski zamanlarda (18. yy.in başında) Qırımtatar diline girmiştir. Fakat *şompol* sözcüğünü şimdiki Almanca'da kimse kullanmamaktadır. Sadece askerliğin geleneğinde *şompol* sözcüğü hâlâ kullanılır. Örneğin Bundeswehr'in yeni av bombacısı *şompol* olarak adlandırılmıştır. Almanca'daki anlamı “tüfek harbi”dir ve şöyle Ladestock/ *şompol*'un gelişme idi: *şompol* eski yüksek Almanca'nın *Stempel* [ştempel] ile namahrem olmuş. Bugünkü Almanca'da *Stempel* damga/istampa demek ve *Ladestock* sözü *şompol*'un yerinde yer almış. “*Lade*” parçası alman *laden* [doldurmak/ımlâ etmek] fiili den geldi ve *stock* Almanca *asa* demek. Demek ki bu yer tutmasından önce *şompol* eski öz manasıyla Rusça üzerinden Qırımtatarca'ya girmiştir. Bugünkü Qırımtatarca'da *şompol*'un anlamı biraz değişmiştir ve *şış* anlamında da kullanılmaktadır.

— Der Jahrmarkt/yarmalıq/ярмалыкъ - Sozcük “*Jahrmarkt*” pazar demektir. “*Jahr*” almanca yıl demektir ve “*Markt*”ın anlamı pazar veya çarşı idi. Bu çarşı eskiden yılda bir ile üç defa vuku bulurdu. Onun için bu “*Markt*” eski zamanda “*Jahrmarkt*”

idi. Kırım yarımadasında şimdiki zamanda yarmalıq eski anlamıyla kullanılır. Украйн ярмарок/ярмалок [yarmarok/yarmalok] veya Rus ярмарка [yarmarka] umumi türk yapı eki -lik ile Qırımtatar diline girmişti.

— Die Kartoffel>qartop/къартон¹² “*Kartoffel*” almanca patates demektir. Onaltıncı yüzyılın sonunda patates gibi üç türlü yenilebilir yumru kök Amerika'dan getirilmişti. Birisi şimdi Türkiye'de “*patates*” ve Almanya'da “*Kartoffel*” denilen idi (lat.: *solanum tuberosum*). İkinci *Topinambur* (Türkiye türkçesi: yıldız kökü/beyaz yerelması/tavuk göttü) idi (lat.: *helianthus tuberosus*). Üçüncü olarak aynı zamanda *Batate* (ttk.: tatlı batata/yerelması; lat.: *ipomoea batatas*) Amerika'dan gelmiş. Eskide iki işlenebilir toprak sathı var idi. Birisi Kuzeyitalya/Güneyfransa/İsviçre ikinci İngiltere/İrlanda'da yemiş. Alman “*Kartoffel*” sözcüğü italyanca *tartuficolo* [Trüffel/yermentarı/domuz elması] dan gelmiş. Türk “*patates*” diğer taraftan adı İngiltere'nin potato yani (tatlı) batata'dan almış. Prusyalı kral Frederik Büyük İkinci patatesi 1743'te ithal etmiş ve kelime *къартон/qartop* Украйн *картопля/картофель* [kartoplya/kartofel] üzerine yumru kök *solanum tuberosum* ile beraber Kırım'a gelmiştir.

— Die Schraube>şurup/шурпyn [vida] bu kelime de eski zamanda Almanca'dan gelmiş. Alman dilinde günümüze kadar Schraube şeklinde değişime uğramıştır.

— Diğer misaller: фельдшер/feldşer/Feldscher¹³ [cerrah]; стул/stul/Stuhl [sandalye/koltuk & barsaklar? boşaltmak], штраф/straf<Strafe [para cezası/cereme]

Yukarıdaki kelimelerin inanası Almanca'dan erken geldiğinden dolayı günümüzdeki Almanca'da ya değişime uğramış ya da artık kullanılmamaktadır. Diğer taraftan Qırımtatarca'da sözcüklerin eski şekli ve manası kaldı. Demek ki, bu keline hazinesi erken vakitte Ukrayna ve Rus dili üzerinde Qırımtatarca'ya gelmiştir.

1.2. Sonraki kelime tabakası.

Sonraki kelime tabakası için örnek olarak aşağıdaki sözcükler zikredilebilir:

— дроссель/drossel/Drossel — bu sözünün Almancadaki anlamları şu:

- a) bir kuş (ardıçkuşu),
- b) teknik alet olarak bir buhar, benzin veya gaz sürgüsü.

Qırımtatarca'ya ikinci manası geldi. Eski yüksek Alman dilinde “*Drossel*” boğaz/gırtlak delâlet etmişti. Bundan “(er)drosseln” fiili yani (boğazını sıkarak) boğmak gelmiş. Ve 19 yy.da bu semantiktan teknik sahasına geçirilmişti¹⁴. Birinci alman semantik eksik olduğundan “*Drossel*” en erken endüstri çağında, yani 19 yy.in sonunda Alman dilinden Rusça'ya ve oradan Qırımtatarca'ya geldiği tahmin edilmektedir.

— Рюкзак/rükzak/Rucksack¹⁵ - “*Rucksack*” arka

10 Paul 1992, S. 134b; Пчелкина 1987, S. 83a; Kluge 1999, S. 119a; Усеннов 1994, S. 19 & 59; Walewski / Wedel, 2000, S. 45b (блик [blik] » ышыкъ лекесин [ışık lekesi] = ышыкъ аксин [ışık aksi]» ярыкъ тамгыасы [yarık tamgası]).

11 Преображенский 1959, S. 102b/103a; Меметов 1997, S. 45; Усеннов/Ганиева/Сейдаметова 2001, S. 142 (orada kt. шомпул/şompul).

12 Мипеев / Усеинов, 2002, S. 45b; Walewski / Wedel, 2000, S. 863a; Усеннов / Ганиева / Сейдаметова 2001, S. 132; (rusça tekil.: картофелина [Kartofelina] çoğul.: картофель [Kartofel] veya картофеля [kartofelya]).

13 Kluge 1999, S. 257b; Paul 1992, S. 268b; Мипеев / Усеинов, 2002, S. 124a; Пчелкина 1987, S. 522b (günümüzdeki Almanca'da artık kullanılmaz: özellikle askerlikteki hekim yardımcısı; Feld = tarla ve Scherer = berber; eskide harb meydanında çalışan berber idi)

14 Eski orta yüksek Almancası dil biliminde Orta yüksek Almanca'nın son dönemidir (1250 bis 1350 u.Z.) Daha eski: Eski Yüksek Almancası (700 bis 1050 u.Z.), ondan sonra Yeni Yüksek Almancası (1350 – heute) s.: Microsoft Encarta Enzyklopädie 2002: *Deutsche Sprache*.

çantası demektir. "Ruck" alman sözü "Rücken" den yani arka/sırt tan gelmiş ve "Sack" almanca çuval/torba demek. "Sack" İbranice'den Latin ve Yunan dili üzerine Cermen dilleriyle gelmiştir. Ukrayn dili veya Rus dili üzerinden 19 yy. Qırımtatar diline girmiştir (Ukraynca: рюкзак [ryukzak]; Rusça: рюкзак [ryukzak]).

— Ефрейтор/efreitor<Gefreiter Altıncı yüzyıldan itibaren askerlik'te efreitor onbaşı anlamında kullanılmıştır. 17 ve 18 yüzyılda gelen diğer Almanca kökenli sözcüklere aşağıdakiler örnek gösterilebilir.

Diğer misaller: лагерь/lager/Lager [depo], нагель/nagel/Nagel [civi], рапс/Raps [kolza], торф/torf/Torf [turba], фальц/falts/Falz [çatıklık], флюгер/fluger<Flügel [yelkovan], центнер/tsentner/

Zentner¹⁶ [elli kilo/kental(li)], шабер/saber/Schaber [kazıyacak], шайба/sayba/Scheibe¹⁷ [yuvarlak levha/plak], шахта/sahta<Schacht¹⁸ [maden kuyusu], шлак/slak<Schlacke [cüruf/mucur], шлямбур/slâmbur <Schlambohrer¹⁹ [çamur matkabı/burgusu].

1.3. Geçen yüzelli yılda Almanca'dan gelen sözcükler:

Geçen yüz, yüzelli yılda Latin, Grek ve Cermen dilleri üzerine çoğu kelime Alman kökenli kelime ile beraber Qırımtatar diline geçmiş. Bu grubun sözcükleri hem Almanca hemde Qırımtatarcada aynı anlamıyla kullanılır. Yüzde en çoğu yabancı kelime teknik, siyaset, bilim, felsefe, tıp, matematik ve benzer sahasında var. Doğa, din, dilbilimi, ziraat ve müşabih sahasında daha az yabancı ve özellikle Alman kökenli kelime var. Aksine bu bölümlerde Fars, Arap ve umumî türk kelime daha mevcut olur. Bu Qırımtatarcanın üzerinde büyük müessir olduğu diller için aşağıdaki tabela siyaset sahasından örnekler veriyor:

Almanca (sözün kökü)²⁰

lat. / fra.: absolutismus
gr. / fra.: autarkie
gr. anarchismus
afrik.: apartheid
lat. / fra.: assimilation
eng.: boykott
lat. / eng. / fra.: budget
lat. / gr. / fra.: genozid
fra.: garantie
lat. / gr. / fra.: dekadenz
lat. / gr.: dogma
lat. / fra.: gendarmerie
lat. / fra.: humanismus
lat. / fra.: institut
lat. / fra.: kolonialismus
lat. / fra.: loyaltät
gr. / lat.: matriarchat
gr. / lat. / fra.: mystifikation
lat.: okkupation
dt.: putsch
lat.: referendum
lat. / gr.: scholastiker
fra.: tantieme
lat. / gr.: tribunal
lat. / it.: urbanisierung
lat.: veto
lat. / span.: junta
fra.: chauvinismus
lat.: evolution

Qırımtatarca²¹

абсолютизм
автаркия
анархизм
апартеид
ассимиляция
бойкот
бюджет
геноцид
гарантия
декадентлик
догма
жандармерия
гуманизм
институт
колонизализм
лояллик
матриархат
мистификация
оккупация
путч
референдум
схоластика
тантьема
трибунал
урбанизация
вето
хунта
шовинизм
эволюция

Türkiye Türkçesi²²

istibdat / absölitizm
otarşi / otarkı
anarşi
ırkçılık politikası
temessül / asimilasyon
boykot
bütçe
jenosit
garanti
dekadanlık / dekadans
akide / dogma
jandarma
hümanizm
enstitü
sömürgecilik
sadaikat
maderşahilik
aldatma
işgal
darbe
referandum
iskolastik
kâr hissesi / yüzdelik
mahkeme
şehirleşirme
veto
junta
şovenlik / şovinizm
tekâmül / evolüsyon

15 Kluge 1999, S. 694b; Міреєв / Усеїнов, 2002, S. 100b; Пчелкина 1987, S. 440a; Усеїнов 09/1992, S. 59; Walewski / Wedel, 2000, S. 983b; Harper online: sac; (İbranice: saq > lat. Saccus, gr. sakkos > fra. Sac, dt.: Sack; Almanca olarak ilk defa 16.yy.da İsviçre'de kullanılmıştı).

16 Усеїнов 04/1992, S. 14; Пчелкина 1987, S. 553b (Rusça ve Qırımtatarca'daki gramaj birimi: 100 kg, Almanyada: 50 kg/100 Pfund, s.a.: фунт/fun/Pfund Пчелкина 1987, S. 544a)

17 Міреєв / Усеїнов, 2002, S. 133a; Усеїнов 01/1992, S. 16; Пчелкина 1987, S. 560b; Усеїнов 01/1992, S. 10 (планшайба/planşayba/Planscheibe [musattah levhası])

18 Kluge 1999, S. 708b (13.yy.dan itibaren nd./ndl. schaft [şafı]; 16.yy.dan beri schacht [şalt]); Paul 1992, S. 716b; Преображенский 1959, S. 232a; Меметов 1997, S. 45; Усеїнов 01/1992, S. 62; (Lehçe/Polonyalıci: szacht; Українська шахта [şahı]).

19 Міреєв / Усеїнов, 2002, S. 133a; Усеїнов 01/1992, S. 16; Schlamm s.: Пчелкина 1987, S. 564a; (anlatılara göre şlambur içi boş olan bir el burgusudur; su ile duvardan/topraktan delip geçmek için kullanılmaktadır)

20 Bütün etimolojik kökleri şu eserleri göre: Fremdwörterbuch; Verl. Enzyklopädie Leipzig, Leipzig 1960; Schülerduden Fremdwörterbuch Dudenverlag Leipzig/Wien/Zürich, 3. Aufl., 1992; Paul, Hermann: Deutsches Wörterbuch 7. Aufl., Niemeyer Verlag Halle/Saale 1960 ve Nişanyan 2003 ve Пчелкина 1987

21 Bütün çevirme Усеїнов 02/1992 ve Усеїнов 1994 göre.

22 Bütün çevirme Steuervald 1990 göre.

Yukarıdaki tüm kelime yabancı dillerden alınmış ve şekli itibarıyla tamamen almancalaşmış yada tatarcalaşmış ve şu anda hem Almanca hem de Qırımtatarca'da aynı manasıyla kullanılır. Lakin sadece bu sözcükler değil, diğer bölümlerden de çok örnek bulunabilir. Kökenli özellikle Almanca olan kelime ilerdeki misallardır.

1.3.1. Yirminci yüzyilde geldiği alman kökenli kelime.

Yirminci yy.da az alman kökenli kelime Rusça dilin üzerinden Qırımtatar diline gelmiş:

— штрейкбрехер/streikbreher/Streikbrecher, İlk sözparçası *Streik* İngilizce'den gelmiş, grev demek. İkinci parça alman fiil *brechen* den gelmiş ve kırmak/bozmak demek. Bileşik isim *grev bozan* demek. Almanya'da 1897 yılında ilk defa Hamburg şehrinde kullanılmıştı.

— Блицкриг/blitzkrieg/Blitzkrieg Blitzkrieg sözü ikinci dünya savaşından sonra Qırımtatarca'ya gelmiş. Bu kelime yıldırım harbi demek ve İngilizlerden Alman Wehrmacht'ın Polonya'ya istilasından sonra şekil verilmiş. Bu İngiliz *lightning warfare* 'e [yıldırım harbi] bir paralel yapısı.

II. Semantik ve yapısına göre birkaç inceleme

2.1. Semantik değişmesi.

Almanca dilden alınmış ve şekli itibarıyla tamamen tatarcalaşmış kelimelerin çoğu ihtisas ve meslek kelimesidir ve Rusça'da manası değişti (a) yada Alman manalarından tek birtanesi alıkoymuş (b).

a) ilk grup için örnek olarak:

• бутерброд/butербrod/Butterbrot²³ kelimesi zikredilebilir. Almanca Butter tereyağı ve Brot ekmek demek, ve *Butterbrot* deyince insanlar bir tereyağlı ekmek dilimi demek istiyorlar. Rus, Ukrayn ve Qırımtatar dilinde ise *butербrod* daima bir salamlı, peynirli veya kızartmalı ekmek dilimi, sandviçdir ve genelde ihtimalde salata, soğan, maydanoz ve diğer yeşillikle nazikleştirilir.

• Yukarıda söz edilen kelime Blick/blik/блик de bir farklı manasıyla kullanılır. Bugünkü Almanca'da Qırımtatarca'dakinin anlamı yoktur. Almanca sadece nazar/bakış demek.

b) ikinci grubun örnekleri şunlar:

• Абзац/abzats/Absatz Abzats Qırımtatar dilinde metnin fıkrası/paragrafı veya satır başı demek. Kelime satır başı da var, fakat bir fark da var. Satır başı makaledeki satırın başı olabilir lakin abzats satırın başı olmaz. Almanca'daki manalar ilerdeki:

- ♦ metnin fıkrası / paragrafı (14 yy.);
- ♦ ökçe (17 yy.dan itibaren);
- ♦ satır başı (14 yy.);
- ♦ mal sürümü / revacı (19 yy.);
- ♦ merdiven sahanlığı (14 yy.dan sonra).

• Флигель/fligel/Flügel²⁴ - Kelime *Flügel* 'in manaları şu:

- ♦ kanat/cenah;
- ♦ kuyruklu piyano;
- ♦ fus/lop ve en sonunda – bir binanın cenahı/yan kısmı.

Tek sonuncu manası ile Qırımtatarca'ya girmiş.

• Kelime форзац/forzats/Vorsatz²⁵ Almanca'daki farklı anlamlarından tek bir manasına gelmiş. Almanca'daki anlamı şu:

- ♦ matbaacılıkta kitapların ilk sayfası;
- ♦ öne eklenen parça (teknik sahası);
- ♦ hüsnüniyet/tövbe;
- ♦ sadece matbaacılıkta kullanılan manasına gelmiş.

Hulâsa bu *forzats* Qırımtatar dilinde tek kitabın kapağı kitap cisimiyile bağlayan karton sayfası olarak kullanılır.

• Сөзүк флюс/flux/Fluss Almanca'da ilk anlamı olarak nehir demek, ikinci manası Materialfluss yani materyel harekete getirmek (ekonomik sahasında) ve üçüncü anlamı seyelândır (tibbî sahasında), fakat Qırımtatarca'da yalnız ikinci ve üçüncü manasına gelmiş. Demek ki ancak meslek dilinin anlamı var. Nehir diğer taraftan Qırımtatarca озен/ozen demek.

2.2. Qırımtatarca ve Almanca'nın anlamdaşının hemzamanlığı.

Bazı Almanca'dan gelen kelimelerin yerinde tatarcadaki sinonimler kullanılabilir. Alman kökenli ve Qırımtatar kelimeleri aynı zamanda kullanılır (a & b). Diğer Alman kökenli sözcüklerin yerine tatarca sinonim yok ve bazı Almanca'dan gelen kelimelerin yerine başka yabancı bir dilden alınmış ve şekli itibarıyla tamamen tatarcalaşmış kelime kullanılır. Öteki kelimelerin anlamdaşı orijinal manasından yalnız bir parça izhar eder.

c) Almanca ve Qırımtatarca anlamdaşı:

— Kelime дуршлаг/durslag/Durchschlag / Durchschlag Qırımtatarcada bir sinonimi var: сюзгюч/suzgüç, sıvı süzgeçten yapa, kalburdan geçirmek için bir mutfak edevatı.

— Alman sözü фейерверк/feierwerk/Feuerwerk yerine

²³ Міреєв / Усеїнов, 2002, S. 11b; Walewski / Wedel, 2000, S. 52b; Пчелкина 1987, S. 92b; Kluge 1999, S. 148b, Paul 1992, S. 153b; (gr. botturon [kesilmiş inek sütün peynir kısmı] > lat. butyrum > ahd. butira > mhd. buter)

²⁴ Міреєв / Усеїнов, 2002, S. 124b; Walewski / Wedel, 2000, S. 518a; Пчелкина 1987, S. 533a; Paul 1992, S. ; Kluge 1999, S. (< 13. Jh. mhd. vlügel, nhd. vloget, ndl. vleughel; eski İskandinavyalı: Flygill; fliegen [uçmak]'a bağlı, Flügel, orta aşağı Almancası: vloget, 14 Jh.)

²⁵ Paul 1992, S. 1009b; Усеїнов 04/1992, S. 51; Пчелкина 1987, S. 536b; Усеїнов 04/1992, S. 51 (mhd. vürsaz); (günümüzdeki kt. Anlamı Almanca'da 18 yy.dan itibaren kullanılmaktadır)

kelime *фишенк*²⁶ anlamdaş olarak kullanılır. *Feuer* ateş demek ve *werk* Alman sözü *werken* yani işlemek/yapmak dan gelmiş ve birleşik isim olarak *fişek* eylenceleri demek.

— Kelime *циферблат/tsiferblat/Zifferblatt* Onun sinonimi *къадран/qadran* ile aynı zamanda kullanılmaktadır ve Türkiye türkçesindeki gibi saat kadranı/minesi demek.

— Sözcük *айсберг/aysberg/Eisberg* Türkiye Türkçesinde gibi *buzdağı* kelimesi ile anlamdaş olarak kullanılmaktadır (kt.: *бuzдагъ/buzdag*).

b) Almanca ve başka dilden gelen anlamdaşlar:

— Alman sözü *ландшафт/landsaft/Landschaft* Qırımtatarca'da *пейзаж/peyzaj/paysage*²⁷ kelimesinin sinonimidir. *Land* [ülke/toprak] Alman isim eki *-schaft* ile *landşaft* yapılır ve *manzara/peyzaj* demek. Türkiye türkçesinde de var olan Fransızca kökenli *peyzaj* Qırımtatarca'da *landşaft*'in anlamdaşdır.

— Alman sözü *галстук/galstuk/Halstuch* [boyun atkısı/şal] yerinde Fransız kelime *kravat* da kullanılmaktadır.

— Almanca *масштаб/masstab/Maßstab* kelimesi yerinde Qırımtatarca'da *мыкьяс/mıqyas* sözcüğü kullanılmaktadır. Türkiye Türkçesinde *mıkyas* olarak kullanılır. Diğer misal: *frontdaş* ve *cebedaş* [muharip arkadaş].

c) özel sahada kullanılan Alman kökenli kelime:

Qırımtatarlar ne Rusca denizcilik kelimesi *юг* [yug] ne de (Arapça kökenli) *джеңюб* [cenüb] veya *къыбла* [qıbla] kullanmaz. Qırımtatarca *güney* yerinde Almanca/Felemenkçe kelime *зюйд/züid/Süd* kullanılır. Ancak yalnız bahriyecilik sahasında alışılmış.

Aynı şey coğrafyada kullanılan kelime Alman kökenli *вест/vest/West* hakkında ifade edebilmektedir. Sözcük *vest* coğrafya sahasında *batı* demek.

2.3. İsimden müştak fiil yapısı.

Almanca bir isim'den Qırımtatarca bir fiil olmuş mu? Evet bu tür şeylerle de karşılaşabilir. Bu fenomen için burada iki misal getirebilirim:

— Alman isim *Strich*'den Rus diline üzerine *штрих/strih* Qırımtatar fiil *штрихлемек/strihlemek* [taraklamak] oldu. Rus kelime *штриховать/strihovat'* gibi bir paralel yapısı galiba (Alman isim + Rus isimden müştak süfiksi).

— Diğer misal: *штрафламак/straflamak* [cezalandırmak] ve *штурмламак/sturmlamak*²⁸ [hücum etm.]

Türkiye türkçesinin mürekkep fiili *fortrak yapmak/Vortrag halten* gibi birleşik fiil şu ana kadar Qırımtatar dilinde bulamadım.

2.4. Birleşik isimin yapısı:

a.) Aşağıdaki örnekler Qırımtatar ve Alman isimden oluşturan bileşik isim olarak zikredilebilir:

— Almanca kelimesi *Grundwasser* [taban/yeraltı suyu] gibi Qırımtatar *грунт сувлар/grunt suvlar*²⁹ oluşturdu. Rus dilinde de kullanılan *grunt* Qırımtatarca'daki *suvlar* ile bir isim oldu.

— Qırımtatar kelime *къол дрели/qol drel* türkçe el matkabı demek. *Qol* [el] ve Alman sözcük *дрель/drel/Drell* (bohler)³⁰ [matkap] belirsiz tamlama vasıtasıyla bileşik bir isim olarak kullanılır. Lâkin bugünkü Almanca'da kelime *drel* artık kullanmıyor.

— Qırımtatar konstrüksyon *сызгы шрифти/sızgı şrifti işaret yazı* delâlet eder. Almanca kelime *шрифт/srift/Schrift* [yazı] ve Qırımtatar *sızgı* aynen belirsiz tamlama vasıtası ile mürekkep bir isim olmuş.

b.) İki Qırımtatarca olmayan isimden oluşturulan kelime de bulunur:

— *штепсель вилкасы/stepsel vilkası*³¹ [fiş] Alman sözü *Stöpsel* [tıkac/tapa] ve Rus kelime *vilka* [fiş] belirsiz tamlama vasıtasıyla birleşik bir isim olmuş. Konstrüksyon *штемсель розеткасы/stepsel rozetkası* Alman kelime *Stöpsel* ve ruslaştıran Kelime *rozetka* ile yapılmış ve *Steckdose/priz* demek.

— Almanca söz *Fräse/freza/фреза* Fransızca'dan gelmiş ve Rus kelime *оправка/opravka* [çerçeve] vasıtasıyla Qırımtatar *фрез оправкасы/frez opravkası*? [freze çerçevesi] oldu.

— *Винтлер спирали/vintler spirali* [helis vidası].

26 Усеинов 1994, S. 322b; Миреца / Усеинов, 2002, S. 94b; *fişenk* kelimesi nereden geldiği hakkında az bilinmektedir. Avusturiya'lı bir kaynağa göre Osmanlıca'dan gelen *fişek* hâlâ Urdun Arapçası'nda var (Ababneh, Jafar/Prokosch, Erich: Ottoman Loanwords in Jordan ArabicGraz: Linguistik Araştırmaları 48, Sonbahar 1997, S. 3; online unter: <http://www-gewi.kfunigraz.ac.at/ling/cgi-bin/data/gls/artikel/48/ababneh.pdf>)

27 Walewski / Wedel, 2000, S. 312a; Миреца / Усеинов, 2002, S. 74b; Пчелкина 1987, S. 369b; Усеинов 04/1992, S. 58 fra.: *pays* [yerey/arazi] > *paysage* > *peysaj*)

28 Çeneli 1979, S. 41; Пчелкина 1987, S. 568b (rus fiili *штурмовать* [hücum etmek] bir paralel yapısı) (dt. Strafe = ceza; dt. Sturm = tük. fırtına), bkz.: *dipnot* 9

29 Усеинов 1994, S. 46a; Walewski / Wedel, 2000, S. 183a; Усеинов 2002, S. 186a; Усеинов 09/1992, S. 8; Kluge 1999, S. 341a; Paul 1992, S. 373 (g. *grundu* - > ahd/mhd. *grunt* [toprak/yer])

30 Усеинов 2002, S. 222a; Пчелкина 1987, S. 175b (pnömatik veya elektrik delme makinesi)

31 Усеинов 01/1992, S. 4 & 11; Kluge 1999, 798b (gr. *styppe* > lat. *stupa* [kıtık] > 17.yy. nd. *stopfen* [tıkamak]).

c.) Almanca'dan geldiği birleşik isimler: Almanca'daki iki Alman sözcükten yapılan isimler aynı anlamı ile Qırımtatarca'ya gelenler ilerdekişilerdir:

масштаб/masstab/Maßstab [ölçek/mikyaz]; рюкзак/rukzak/Rucksack [arka çantası]; маршрут/marsrut/Marschrute³² [yürüyüş güzergâhı/rotası]; крейцмейсел/kreitsmeisel/Kreutzmeisel [çapraz/turnak keski]; курорт/kurort/Kurort [kaphca/ilhalar yeri]; лейтмотив/leitmotiv/Leitmotiv [laytmotif (muzik ve edebiyat)]; бухгалтер/buhgalter/Buchhalter³³ [muhasip]; спортзал/sportzal/Sportsaal [spor salonu]; штангенциркуль/stangentsirkul/Stangenzirkel [sırık pergeli]; фальцгебель/faltsgebel/Falzhebel [kivrim kolu]; фальцмейсел/faltsmeisel/Falzmeisel [kup papye].

Aşağıdaki kelime de Almanca'dan Qırımtatarca'ya gelmişti

бинт/bint/Binde [bag/bandaj]; горн/gorn/Horn [boru]; зал/zal/Saal [büyük salon]; кернер/kermer/Korner [tanelemek için bir alet]; кнопка/кнопка<Knopf³⁴ [düğme]; прес/pres/Presse³⁵ [basın/matbuat]; пудель/pudel/Pudel [kanis köpeği]; Ракета³⁶ [roket/füze/havaî fişek]; ринг/ring/Ring³⁷ [sprt: ring]; стеллаж/stellaj/Stellage³⁸ [raflar]; текст/tekst/Text³⁹ [makale/metin]; торт/tort/Torte⁴⁰ [turta]; ширма/sirma/Schirm [ekran]; шпатель/spatel/Spatel⁴¹ [mala]; штифт/stift/Stift [ergo/pin]; штрих/strih/Strich⁴² [çizgi].

Buna karşı Memetov'un kitabında Almanca'dan gelmiş denilen kelime Polizei⁴³ ve Orden⁴⁴ Almanca kökenli değildir. Onlar latin ve grek kökenli kelimelerdir ve Almanca ve Rusça üzerine Qırımtatarca'ya gelmektedir. Aynı şeyler Useynov/Ganieva/Seydametova'nın kitaptaki *polismeister*⁴⁵ [polis memuru], роџ/rol/Rolle [yuvgu/merdane] ve *şompul* kelimeler hakkında söylebilmektedir. Onlar rus kökenli değildir, lâkin almanca, latınca veya grek kökenli kelimelerdir ve Almanca ve Rusça üzerine Qırımtatarca'ya gelmektedir.

2.5. Almanca'dan gelmiş özel isimleri:

Эмиль, Эмиле, Эмилия/Emil, Emilie; Эмма/Emma; Эрвин/Erwin; Эрнес(т)/Ern(e)st; Гарри/Harry; Дидмар/Dietmar; Роллан, Ролан/Roland; Сабина/Sabine; Сузанна, Сусанна, Сусана/Susann(e) gibi özel isimleri türk dillerinde genelde kullanılmaz. Qırımtatar halk bu Almanca'dan gelen yada Almanca üzerine gelen isimler kullanılmaktadır.

III. Almanca'daki Türk kökenli kelimeler

Almanca'daki Tatarca kökenli kelimeler hakkında ne yazık ki konuşmak mümkün değildir. Çünkü Tatarcadan Almanca'ya kelime hiç gelmemiştir. Daha açık bir ifadeyle bu araştırma yapılırken Alman dilinde bulunan Qırımtatarca kökenli kelimelere rastlanmamıştır. Ancak eskiden Türk Osmanlı dilinden gelen ve hem Qırımtatar hem de-umumî türk tasvirî kelimeler Almancada kalmış. Bu kelimeler hakkında bazı ilginç semantik ve fonetik değişimi tanınmıştır. Şimdi bu fenome resimleyen ve manası ve kaynak anlatan birkaç örnekler:

1 Almanca'da var olan Arapça kökenli kelime: Kadi/kadi⁴⁶, Kaffee/kahve/⁴⁷, Sofa/sofa⁴⁸, Kismet/kismet⁴⁹.

2 Almanca'da var olan Farsça kökenli kelime: Basar/pazar⁵⁰, Diwan/divan⁵¹, Kiosk/köşk.

32 Калітiч / Курiленко / Нечволода 2003, s. 62b; Міреєв / Усеїнов, 2002, S. 58a; Пчелкина 1987, S. 296b (dt.: Marsch [marş/yürüyüş] + fr. route [rota/yol])

33 Міреєв / Усеїнов, 2002, S. 12a; Paul 1992, S. (almanca bir paralel yapısı: it. *tenere i libri* [die Bücher halten [kitap tutmak]], 16. Jh.)

34 Міреєв / Усеїнов, 2002, S. 48a; Пчелкина 1987, S. 232a; Paul 1992, S. (ahd., mhd. Knopf; ndl. Knoop, nd. Knop, batı. Knob > + slav. fem.)

35 Міреєв / Усеїнов, 2002, S. 91b; Kluge 1999, S. 646b; Paul 1992, S. 663b (yalnız pres-büro ve pres-konferentsiya gibi birleşmiş kelimeler içinde kullanılmaktadır; tek olarak pres de matbuat demek), (8yy.>ahd. p(f)ressa>mhd. presse).

36 Преображенский 1959, S. 898b; Меметов 1997, S. 45; Paul 1992, S. 676b; Kluge 1999, S. 665a (mhd. Rocken/Spinnrocken [örece] > it.: Rocca'ya bir Diminutivum [örececik gibi], fra. roquette/it. rochetto > 16.yy. dt. rogettlein >dt. Rakete)

37 Paul 1992, S. 696b; Kluge 1999, S. 678b (<8.Jh. mhd. rinc, < ahd. (h)ring, < g. hrenga).

38 Kluge 1999, S. 792b; Paul 1992, S. 847b; Пчелкина 1987, S. 472a (16.yy. ilk defa kul., roman -age eki ile)

39 Paul 1992, S. 885a; Усеїнов 04/1992, S. 47 (lat. textus > mhd. text).

40 Kluge 1999, S. 829b; Paul 1992, S. 892/893; Пчелкина 1987, S. 500b; Міреєв / Усеїнов, 2002, S. 115a (lat. torquere [dönmek] > 15.yy. it. torta > fra./ndl./nd. tarte > torte)

41 Міреєв / Усеїнов, 2002, S. 133b; Пчелкина 1987, S. 565b (Qırımtatarca'da hem tıbbî hem de el zanaatı sahasında kullanılmaktadır)

42 Kluge 1999, S. 802a; Paul 1992, S. 863a; Пчелкина 1987, S. 568b (10.Jh. mhd. strich, < ahd. strih; g. ve got. striks, streichen [boyamak] fiiliden bir isim)

43 Paul 1992, S. 659; Kluge 1999, S. 639b; Преображенский 1959, S. 813b; Меметов 1997, S. 45 (gr. πολιτεια > politia > dt. Polizei [politsai] > ukr. поліція > rus. Полиция [politsiya] > kt. Полиция/politsiya).

44 Paul 1992, S. 632b; Kluge 1999, S. 603b; Преображенский 1959, S. 657a; Меметов 1997, S. 45 (lat.: ordo / ordin(is)-em > ahd. ordina > mhd./dt.: orden).

45 Преображенский 1959, S. 813b; Усеїнов/Ганиева/Сейдаметова 2001, S. 142; (dt. polizeimeister > полицеимейстер > „kışkırtıcı” > „kışkırtıcı” [politsiynik] > kt. полицеимейстер/polismeister gelmiş)

46 Kluge 1999, S. 417b (ar. qāzî > tük. va. kadı > dt. Kadi; Almanca hâkim demek)

47 Міреєв / Усеїнов, 2002, S. 45a, 46a & 51a; Kluge 1999, S. 416b (17. yy. da Arapça'dan osmanlıca üzerine gelmiş, ar. qāhwa > tük./osm. Kahve > it. caffè > fra. Café > dt. Kaffee)

48 Міреєв / Усеїнов, 2002, S. 113a; Мустафаев / Щербинин 1972, S. 782b (semantik değişmesi: Almanca ve Rusça'da Sofa bir divandır; Türkçe'de bir divan/peyke/kanape/vestibül/dehlis/teras olabilir; lâkin Qırımtatarca'da yalnız bir teras/mastabah verandadır); Пчелкина 1987, S. 465b (ar. Divân > fra.; osm./kt. > dt. ?)

49 Kluge 1999, S. 444a (ar. qismah [tahsis edilen şey]; 19.yy.da gelmiş)

3 Almanca'da var olan türkçe kökenli kelime: Jogurt/yoğurt⁵², Horde/ordu, Tulpe/lâle, Dolmetscher/ dilmaç.

Dolmetscher, Kiosk, Horde ve Tulpe kelimesinin etimoloji hakkında bir kaç izah:

- Dolmetscher⁵³ ttk. va. *dilmaç* – kt. тильмач [til'maç], ru. va. толмач [tol'maç]; til eski Türkçe'de zaten dil idi. Suffix –maç ve onun eksik olan sesli uyumu etimolojist Kluge'ye göre bir alınma işaret edilmiş. Ona göre Anadolu'da olduğu Mitanni-dilinde milâttan evvelki 15. yy.da kavram *talami* tilmaç/tercümen olarak şahadet edilmekteydi. Lâkin Türklerin yani Selcukların Anadolu'da varacağına 2500 sene den fazla geçti! *Dolmetsch* kelimesi Paul'a ve Kluge'ye göre 13. yy.da Macar sözcük *tolmács* veya Rus kelime толмач üzerine Türk dilinden orta yüksek Almanca'ya girdi (mhd.: *tolmetsche/ tulmetsche*). Bu isimden bir fiil oluşturuldu ve sözcük *Dolmetscher*'in 13./14. yy.daki esası idi.

- Horde ttk. *ordu* – kt.: орду [ordu]; Alman bilimci Klugenin Etimoloji Lugatına göre bu söz 15.yy.da Tatar dilinden alınmış. Bugünkü Alman manası *siri/derintidir*, eski Alman anlamı diğer taraftan *konup göçen Tatar* imiş. Onbeşinci yüzyılda Tatar kelime urdu/ordu Lehçe horda üzerine Almanca'ya gelmiş. Paul Etimolojik Sözlüğü'ne göre de bu sözcük asıllı Tatarca'dır.

- Kiosk⁵⁴ Bu kelime yüksek Almanca *küçük satış yeri/kulübü* olarak kullanılmaktadır. Onsekizinci yüzyılda Türkçe'den Fransızca'ya alınmış. Fars kökenli köşk fransız kiosque üzerine Alman diline gelmiş.

- Tulpe kelime türkçe lâle demek ve bu çiçeğin kökleri gerçekten kırım yarımadasında idi⁵⁵. 15. yüzyılda türk bir elyazısında sözü edilen çiçek Türkler'den

İstanbul'a getirilmiştir. Avusturiya'nın elcisi Ghislai de Busbeq bu türk çiçeği 1550lerinde İstanbul'dan Viyana'ya götürmüştü. Dini sebeplerinden Holandaya kaçan Carolus Clusius Viyana'da nebatat ilmi kurulmuştur. O tulip/lâle Hollanda'ya getirdi ve Alman adı *Tulpe* 1578 hollandaca *tulipa* kelimesinden alınmış. Bir tür lâle bir turbanı⁵⁶ benziyormuş. Bunun için Avrupalılar tulipa adlandırılmıştır. (farsça dulband > türkçe tülbent > it. tulipano > hol. tulipa; lat. Tulipa Turcarum).

- Schaschlik/şasılık/шашлык [ttk.: şiş kebabı]⁵⁷.

3.1. Almanca'daki Türk etnonimleri ve onların semantik değişimi:

1 *Kasack* [kazak]⁵⁸ Kazak kelimesi günümüz Almancasında havadar, dize kadar uzanan bir boydaki bayan bluzuna denilir. Kazak halkının adından gelmiştir. Eskiden süvari gömleği anlamında kullanılan kazak sözcüğü bugün için vücudun üst kısmına giyilen örme giyeceği ifade etmektedir. Kazak kelimesinin yaklaşık onaltıncı yy.da *kazak* Fransızca'daki *casaque* sözcüğünün aynı biçimde alınarak Almanca'ya yerleştiği tahmin edilmektedir.

Esasen *kazak* serbest, hür insanı ifade etmektedir. Bu mana Ukraynca ve Rusça'da da aynı anlamı ifade ediyordu. Kozaklar 14./15. yy.da Kazak sözcüğü feodal ağaların serbest bıraktıkları ya da kaçarak kölelikten kurtulan Tatarlar için kullanılmıştır. Özgürlüğüne kavuşan bu Tatarlar hem Ukrayna'nın hem de Rusya'nın o dönemde ünlü atlı savaşçıları oldular. Dolayısıyla bir fenomen akla ermez. Özellikle Ukrayna ve Rusya'daki milliyetçi esasen tatar kökenli Kazaklar Qırımtatarlarını düşmanca görmektedirler.

Yukarıdaki anlamlarının dışında, Kazak sözcüğü günümüz Türkiye'sinde eşinden korkmayan, yine halk dilindeki söyleyişle „kılıbık olmayan“ kişiyi ifade etmektedir.

Korzak asıllı bir türk kelime olduğu halde bu söz kazak'tan gelmiyor. Korzak/корзак rusca ve qırımtatarca küçük çöl tilkisi demektir⁵⁹.

2 *Tatar*⁶⁰ — Etnolojik olarak tatar sözcüğü Duden lugatında öncelikle Orta ve Güney Rusya ile Ukrayna'da yaşayanmaya karışık Türk halkını ifade eder.

İkinci anlamı ise bam başka sahada bulunabilir. Bu mana alman mutfak kültüründe sığır çiğ kıyması ile çiğ yumurta ve baharat oluşan bir yemeği ifade etmektedir. Kıymalı

50 Eren 1999, S. 326/327; Kluge 1999, S. 83b; Nişanyan 2003, S. 351b (eskifarsça/pahlavi: vahâcâra [alışveriş] > pers. bâzâr; assimiliertes Exotismus [benzeşen egzotizm])

51 Усєинов 2002, S. 212b; Kluge 1999, S. 186b (pers. dēvân > divân; eski manası: yazmak; 18.yy.dan Almanca'da)

52 Kluge 1999, S. 411b (20. yy.da Almanca'ya gelmiş), Paul 1992, S. 440a (1915: bulgar kesilmiş süt).

53 Tomenendal 2000, S. 17; Усєинов 1994, S. 293a; Walewski / Wedel, 2000, S. 485a; Paul 1992, S. 178a; Räsänen 1969/71, S. 478a; Kluge 1999, S. 188

54 Räsänen 1969/71, S. 294a; Eren 1999, S. 262b; Kluge 1999, S. 442b; Paul 1992, S. 485a.

55 Tomenendal 2000, S. 19/20; Kluge 1999, S. 840a & 841b; Paul 1992, S. 913b; Мипєєв / Усєинов 2002, S. 117b (ne alaylı: Kırım'da gündümüzdeki Ukraynca lâle тюльпан/tyulpan demek ve bu adı Avrupa üzerine, alınmıştır, yani lâlenin memleketten değil) <http://www.etymonline.com/t8etym.htm> (oradaki kaynaklara göre lâle çiçeği ilk defa 1559 Alman Johann Heinrich Herwart'ın Augsburg şehrindeki bahçede yetiştirilmiştir); bkzn.: Pavord, Anne *Die Tulpe - Eine Kulturgeschichte* [Lâle – bir Kültür tarihi] Frankfurt a.M.: Insel, 2003, 220 S.

56 Paul 1992, S. 913b (farsça/türkçe dulband, tülbent > 17.yy.in tulipan/Tulban[t] oldu).

57 Steuerwald 1990, S. 464a; *Kırım – toplumsal siyasal kültürel tarihi dergisi* No. 1(2)/01Simferopol 2002 S. 68

58 Steuerwald 1990, S. 322b; Steuerwald 1988, S. 508; Paul 1992, S. 450b; Microsoft Encarta Enzyklopädie 2002, Мипєєв / Усєинов, 2002, S. 48a; Duden 1992, S. 399b (türkische dreiviertellange Bluse)

59 Duden 1978, Bd. 4: Kam-N, S. 1562a.

60 Steuerwald 1988, S. 391b, 488a; Steuerwald 1990, S. 129a; Microsoft Encarta Enzyklopädie 2002; Almanya'da Tatar/ Schabefleisch'in yağ miktarı bile kanunludur: (6% dan fazla yağ yasaktır). bkzn.: <http://www.hofa-suew.de/lexikon/2000h%20Lexikon%20Texte.htm>; Duden 1992, S. 731b

manası tüm orta Avrupa'da olan dillerinde kullanılışı moğolların Batu hanın 1240/41 yıllarındaki atılışları bağlı olduğu rivayet edilmektedir. Birkaç Avrupa dillerinde Tatar kelime kesen kıyanla sözcükle bağlantı olacak düşünüldü. Tatar sözcüğüne vurgunu ve baskılı söylenen R-harfi atlı savaşçı ve yunancadaki cehenem anlamına gelen kelimesi ile birlikte düşünüldü. Ozamandan bu yana her iki form da Alman yemek merakında dilinde karışık içinde kullanılmaktadır. Tatarların kesmek doğramak biçimindeki çağrışımı çoktan beri sona ermişti. Bu kavram Alman mutfağında lezzetlilik ifadesi olarak yerleştirdi. Örneğin Lachs-Tatar [som balığı tatarı], Artischocken-Tatar [enginar tatarı], Tatar vom Steinbutt [kalkan balığı tatarı], Tatar vom Rind [dana tatarı], Beefsteak Tatar [biftek tatarı] veya Matjes-Tatar [rina balığı tatarı] yemek yiyebilmektedir.

Almanya'da çok sevilen bir peynir Tatar adlı taze peyniridir. Lâkin bu Tatar peyniri Fransa'da imal edip Almanya'ya ithal edilmektedir.

Aynı şekilde Alman mutfağında çeşitli buğday türlerini yer alan bir ifade eden sözcüklerde Tatar kelimesi de Tatar kullandığı görülmektedir. Örneğin Echter Buchweizen (lat. Fagopyrum esculentum) Türkiye'de karabuğday denilen ve Tatarischer Buchweizen (lat. Fagopyrum tataricum) Türkiye'de hint buğday denilen bitki var⁶¹. Karabuğday çoğunlukla hazar denizin kıyılarından ve Amur nehri civarından yetişen buğdayın adıdır ve yaklaşık 14. yy.da Avrupaya getirilmiştir. Almanya'da Tatar buğday olan Türkiye'nin Hint buğdayı tarihsel kökenli Sibiriya'da dayanmaktadır. Bu Hint buğday tırtıllı sağlam yapısı var idi. Diğer misal:

- Tatarennachricht [tatar haberi] kelimesi rivayet, kara söylenti bir haber yada anı karahaber olarak kullanılmaktadır.

- Türken⁶² / getürkt. Fiil *türken* almanca "sahtekârlık etmek/tahrif etmek" yani bir şey yapar gibi görünmek olarak kullanılır ve düzenli çekilen fiil olarak kullanmak mümkündür (ich türke, du türkst, er/sie/es türkt, wir türken, ihr türkt, sie türken). "getürkt" kelime de var. Bu

kelimesinin Türkçe karşılığını şöyle açıklayabiliriz: "Kandırmak, aldatmak, yanıltmak, uydurmak, saptırmak veya tuzak kurmak". Kısaca Almancada, işin içine kurnazlığı, manüplasyon, yasa ve kuralın arkasına dolanıp puan alma girince kullanılır. Türken fiili hakkında farklı manasını anlatan tarih var:

a) Duden'e göre türken fiili alman gündelik konuşulan dilinde bir darbimeselden gelmiş. Bu deyim "*einen Türken bauen*" yani *bir Türk inşaa etmek* demek ve karışık menşei fikri mudiri rivayet etmektedir. Bu deyim Osmanlı imperatorluğun çağında Avstriyalı ve Alman ordusundan yürütülen manevreden gelmiş. Bu manevrelerde inşaa edilen ve yapmacık düşman olan Türkler'e karşı savaşmış. Gündelik kullanılan dili içeren bir sözlükde benzer anlamı ifade etmektedir: Muhtemelen Berlin şehrinin çevresindeki Tempelhofer Feldmark [Tempelhof çiftliği] bir Türk mezarlığı vardı. Bu alanda 19. yyın birinci yarısında manevre amacıyla yararlanıldığı söylenmektedir. İsviçre Almancasında kullanılan şekli *tügg* ise manevra demektir.

b) İngiltere'nin *Oxford English Dictionary* deki «türk» kelimesi anlatan faktlarşı: Binbeşyüzaltmışdokuzuncu yıldan beri kaynaklarda bir «human figure at which to practise shooting» demek „*insan kuklasına ateş etmek*“ tevsik edilmektedir. O zamanki „türk“ *hedef levhası* olarak kullanılmıştır⁶³.

c) alman filolojisinin kurucular olan Jakob ile Wilhelm Grimm ise diğer bir anlatı veriyorlardı. Onların 19.uncu yy.da (1854-1862) hazırlayan luğat *Deutsches Wörterbuch*'a göre *türken* fiilinde maliyecilikten gelen bir anlamı ifade etmektedir. Bu luğatın 1961 inci sayıda ilk defa türken fiili tanımlanırdı. Ona göre türken sözcüğü yirminci yüzyılın başından kullanılmaktadır ve şöyle geliştirdi: Osmanlılardan çok korkan Alman halkıdan alınan Türk vergisi Alman derebeylik memleket sanvunması için değil kendi eğlenceleri için bu vergi parası verdiler. Demek ki bu vergi „*getürkt*“ idi.

d) macar şehir Pozsony asıllı Baron Farkas von Kempelen (1734-1804), Avusturya Kraliçesi Maria Theresa'nın maiyetinde bir dâhiydi. 1769 yılında Fransız bir sihirbaz, mekanik satranç gösterisiyle saray erkânının hayranlığını kazanınca, dudak büküp: «Ben daha iyisini yaparım!» dedi. Baron Kempelen'in bir yıl sonra Viyana Sarayı'nda kraliçeye takdim ettiği makine, kaftanı ve sarığıyla, gerçek boyutlarda bir Osmanlı robotu olup, satranç oynuyordu.

Üstelik Türk adı verilen otomat, ustası Baron Kempelen'in makinenin içine monte ettiği bir mekanizma sayesinde birkaç kelime konuşabiliyormuş, ama Almanca. Örneğin, oyunu bitiren son hamlesini yaparken, “Şah!” değil de, “Schach!” diyormuş. Milletimizin adını taşıyan tarihin ilk satranç robotu 1807 yılında Viyana Sarayı'nda,

61 Almanca da sahte buğday demek. Eng.: Tartary Buckwheat, fr.: Sarrasin de Tartarie, pl.: Gryka tatarka, çek: Pohanka tatarka, sorb.: Njepraw hejduška, Danca: Tatarisk Boghvede; rus.: гречиха татарская.

62 Kluge 1999, S. 841b; Duden 1992, S. 757a; Duden Bd. 11 „Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten“ 1992, S. 742b; bkz.: Kırıkkanat, Mine G.: *Türk işi şah mat!* Internet'te: http://www.radikal.com.tr/veriler/2004/05/09/haber_115823.php [9.5.2004]; Kluge 1999, S. 841b;

63 bknz.: <http://faql.de/etymologie.html#tuerken>

Avusturya'yı savaş meydanında dize getiren Fransız Napolyon Bonapart'ı satranç masasında, Almanca "Schach!" diyerek yendi.

Fakas von Kempelen, satranç makinesi Türkler Viyana Sarayı'nı fethettikten sonra Avrupa turnesine çıktı. Alman sosyetesinin hayranlığını kazandı, Paris ve Londra'da satranç turnuvaları tertipledi. Rakip dayanmayan Türkün nasıl çalıştığını kimse anlayamıyordu. Satranç masasının içinde gerçek bir oyuncu olduğundan kuşkulananlar vardı, ancak kapağını kaldırdıklarında kimseyi bulamıyorlardı. Türk giysili robotun içine bir cüce yerleştirildiğine inananlar, kaftanın altında salt çarklarla işleyen bir mekanik aksamla karşılaşınca, iyice apışıyorlardı. Makinenin sırrını çözemeyip, Türkün doğüstü güçlerle çalıştırıldığını düşünenler bile oldu.

e) kuzey-Baltık-Denizi Kanalı'nın 21.06.1895te olduğu açılışına Kayser Wilhelm II. bir çok yabancı diplomat ve elçileri *Deutschland* adlı fregata davet etti. Her ülkenin millî marşı oynalmış. Yalnız Osmanlı marşı kimse bilmiyordu. Ne utandırıcı! Türk elcisi gelince almanca bir çocuk şarkısı oynuyorlardı. Kayser Wilhelm II. türk millî marşı tanımadı ve Türk misafirler alman gelenek olarak marş oynayacağını de bilemez idi. Bunun için kimse bu aldatılma farkı varmadı. Öylesi orkestra şefi takrir olarak söylebilirdi: Hem Türkler hem de Alman Kayser memnunivettidir; marşı biz türkliyoruz!⁶⁴.

f) avusturiya'nın Steiermark adlı bölgesindeki Riegersburg kalesi hakkında bir anekdot var: Kaleyi saldıran Osmanlı Türk'ün varışında Türk benzeren kuklalar uzaktan görülen kalenin duvarlarına plaselenilmiş. Kaleden geçen Osmanlı Türk ordusu düşünüş hatası yapmalı ümit eden kale sahibi öyle kalesi Riegersburg Türk ordusundan savunacaktı. Çünkü bu kale artık başka Türk batalyondan işgal edilmesi düşenerek yoluna devam etmesi iste istenilmiştir. Oradaki kaleyi Türk kukla

plaselenime dolayı işgal edip etmediğini daha araştırmamış⁶⁵.

Kısa bir sonuç olarak görünürki: Bilimsel ve halkçı etimolojiler meydana çıkmıştır. Ancak ne olursa olsun, tüm anlatılar içinde hiç Türkler değil, yalnız Alman veya Avrupalı insanlar bir şeyhi türküyorlardı, yani yapar gibi görünmektedir. İşte bakınız *türken* fiilinin manası ve yapısı iptidaî almancasıdır ve Türkler'inden fazla Almanlar'ın hissiyatı hakkında anlatmaktadır:

- Alman kelime "*türkis*" bir renk ve aynı ismile taşın adıdır. İlk defa olarak Türkiye'de bulunan ve oradan getirilen bir cevherdir. Hem Türkiye'de firuze yada türkuvaz denilen cevher hem de türkuvaz/boncuk mavisi renki Fransızca'da turquoise [türk] Almanca ise türkis şekli yerleşmiştir (mhd. turkis/turkoys > dt. "*türkis*"⁶⁶).

- Türkensattel⁶⁷ [türk eyeri]- Almanca'da bu kelime anatomi sahasında bir tepe, yani kafatasının kemiği için kullanılmaktadır (*lat.*: sella turcica).

- İlerdeki Alman soyadları türk eslâflar'dan alıştırmışlar: Tuerck, Türck, Türcke, Turck, Türk, Tureck, Turek⁶⁸, Tureke, Turko, Tureke, Turczyk, Turczniski, Turke, Turker, Tater, Taterczynskie, Taterka v.s. v.b.

3.3. Özet:

Özet olarak öncelikle şunu söylebiliriz: Qırımtatarca ile Almanca arasındaki sözcük ilişkisinde ağırlık tek yönlüdür. Rusça ve Ukraynca'da teknik, el zanaatları hakkında çok sayıda kelime bulunması rağmen, Almanca kelime hazinesinde spesifik bir Qırımtatarca sözcüğe rastlanmamaktadır. Bu arada Almanca'da semantik bakımdan az veya çok değişime uğramış genel Türkçe ve Osmanlı Türkçesi kelime mevcuttur. Bunun yanında öncelikle şu problemi gündemde tutmak gerektiği, çünkü yeterince araştırılmadığı kanaatindeyim. Problemin bu yönü yukarıda Qırımtatarca'da çok sayıda olduğu söylenen kelimelerin aktif olarak kullanılıp kullanılmadıklarının araştırılması gerekmektedir. Böyle bir araştırma mutlaka bir alan araştırması (survey/feldforschung) olmalıdır ve bu araştırmadaki sözlüklerle sinirli tutulmamalı, bu alanda yazılmış tüm sözlükler titizlikle taranmalıdır. Bu şekilde yapılacak sitemli ve karşılaştırmalı bir çalışmanın ilginç ve ilginç olduğu kadar da çok zahmet gerektiren bir çalışma olacağı hesaba katılmalıdır. Kanaatime göre, bu türden analizlerin ve karşılaştırmalı alan araştırmalarının Almanca ile diğer diller – örneğin Hint-Avrupaî (İndo-Öropeen) olarak Slav, Grek, Latin ve Roman kökenli diller ile Altay kolu kökenli olarak Qırımtatar dil – arasında da yapılmalıdır.

64 bknz: <http://www.amazon.de/exec/obidos/ASIN/3593366770/conradhorst0b-21>.

65 bknz: http://www.etymologie.info/~e/t/tr-ismen_.html

66 Kluge 1999, S. 842a; Paul 1992, S. 912b (eski fransızca turcois > mhd. turkoys)

67 http://www.fth.de/fth2002/www/programm/guten_morgen_hessen/seite009.phtml

68 *Turek/Tureck* slovak / çek dilinden gelmiş.

Л.Н. АСАНОВА,
КъМПУнынъ къырымтатар
ве тюрк тильшынаслыгъы
кафедрасынынъ оджасы

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИ ДЕРСЛЕРИНДЕ ЯНЪЫ СЁЗЛЕРНИ МЕНИМСЕВ УСУЛЫ

УДК 373.32

У статті пропонується методика роботи над новими словами на уроках кримськотатарської мови в школі. Порядок роботи, що включає кілька етапів, дозволяє дітям засвоїти нові слова вже на уроці й використати їх у своєму мовленні.

Ключові слова: методика викладання кримськотатарської мови, засвоєння лексики, словникова робота на уроці.

В статье предлагается методика работы над новыми словами на уроках крымскотатарского языка в школе. Порядок работы, включающий несколько этапов, позволяет детям усвоить новые слова уже на уроке и использовать их в своей речи.

Ключевые слова: методика преподавания крымскотатарского языка, усвоение лексики, словарная работа на уроке

In clause the technique, developed by us, of formation of lexical skills at lessons of Crimean Tatar language at school is offered. The operating procedure including some stages, allows children to acquire new words already at a lesson and to use them in the speech.

Key words: a technique of teaching of Crimean Tatar language, mastering of lexicon, dictionary work at a lesson.

Кенджелер къорантада лаф этмеге огренген заманда этрафтаки адамлардан янъы сёзлерни эшителер, оларнынъ лексик манасыны менимсейлер, буюклерден сонъ сёзлерни текрарлап, догъру теляффуз этмеге огренелер. Мектепте де ойле ола, яни кенджелер эсасен имитация усулынен файдаланып сёзлерни менимсейлер.

Янъы сёзлернен багълы базы меселелерни аль этейик:

— Биринджиден, сёзлерни мезву этрафында топлап бермек керек, чюнки адамнынъ анъында, хатиресинде сёзлер мезву, бир де бир вазият эсасында топланалар. Айры сёзлерни эзберлемектен чокъ файда екъ. Бойле сёзлер тез унутыла.

— Экинджиден, сёзлерни менимсемек ичюн оларнен чешит вазифелер япмакъ керек.

Бази оджалар янъы сёзлернинъ манасыны анълаткъан сонъ, оларны пекитмейип бир кереден бу сёзлернен джумле тизмеге вазифесини берелер. Я да сёзлернинъ терджимесини тахтада язып, — онынъ лугъат иши битти деп саялар. Лякин сёзни анъламакътан иш битмез. Сёзлер талебелернинъ нутукъларында фааль къулланмасы ичюн ишни башкъаджа тизмек керек, яни сёзнинъ манасыны анълатувдан ве джумле тизювнинъ арасында даа бир къач басамакълар, вазифелер олмалы.

Балалар янъы сёзлерни хатырада пекитмектен гъайры нутукъта сербест къулланмакъ керек, яшайышнынъ чешит вазиятлеринде менимсеген сёзлерни ишлетмек борджлу. Бу макъсадкъа иришмек ичюн янъы сёзлернен ишини ашагъыдаки тертипте алып бармагъа тевсие этиле:

1. Огрениледжек сёзлер боюнджа балаларнынъ бильги севнесини айдынлатмакъ. Оджа ресимлерни, предметлерни косътерип, балалардан бу не? бу ким? киб суаллерни къоя. Бойлеликнен талебелер анги сёзлерни билелер, ангисини исе бильмейлер — коре. Ич кимсе бильмеген сёзлерге чокъча дикъкъат айырыла.

2. Сёзлернинъ манасыны анълатмаздан эвель балаларда мотивация, яни истек, меракъ догъурмакъ керек — талебелер янъы сёзлерни бильмек зарур олгъаныны

корьсинлер. Месея: “Хайсер тюкяндан урба аладжакъ эди. Тезссюф ки, чешит урба адларыны унутты. Онъа ярдым этейик, акс алда о ич бир шей сатын аламаз”.

3. Оджа талебелерге сёзлернинъ манасыны анылата. Сёзнинъ манасыны бойле усулларнен анылатмакъ мумкюн:

- предметни (*китап, чул, бор, долап*), ресимни (*озен, голь, орман, дагъ*), оюнджакъны (*тавшан, аюв, сепет, топ, савут*), аркетни (*тур, отур, кет, кель, ал, бер*) косътермек;

- сёзнинъ лексик манасыны изаат этмек. Месея: “*тизе*” — ананънынъ татасы, “*ала*” — бабанънынъ татасыдыр;

- синоним айтмакъ: *акъ* — *без*, *бита* — *къартана*, *эйи* — *яхшы*;

- антоним айтмакъ: *енъмек* — *енъильмек*;

- сёзнинъ этимологик талилини косътермек (анги сёзден ве насыл тамырлар я да аффикслер ярдымынен янъы сёз мейдангъа кельди. Месея: “*тузлукъ* — *туз+лукъ, юзьбез* — *юзь+без*”);

- рус тилине терджиме этмек. Бу усулны сийрекче къуullanмалы.

4. Талебелер оджа айткъан сёзни текрарлайлар. Бу ишни оюн шекилинде отъкермек мумкюн: акс сада (хорнен айталар), зынджыр (бири-биринден сонъ), телефон (экишер адам), кимге къокъла (оюнджакъ, меракълы предмет) берильсе, о айта.

5. Сёзнинъ теляффузы огретиле.

Къырымтатар тилининъ сеслерини теляффуз этмеге огреткенде, бойле хусусиетлерге дикъкъат айырмакъ керек:

- къырымтатарджа [ы], [и] сеслери къыскадан ве тез айтылып (рус тилинде [ы], [и] сеслери созулып айтылып). Месея: “*дивар, къапылар*” (рус сёзлеринен къыяс этейик: дивный, пыль);

- [б], [п] тутукълары “и” ариффи огюнде пек аз йымшай: *биз, бир, пирнич, тилъа*;

- эдебий тильде [т], [д], [н] сеслери йымшакъ олмазлар. Шунунъ ичюн “е”, “ё”, “и”, “ю”, “я” арифлери алдында ве эджа ахырында (шу алда йымшакълыкъ ишарети бу тутукълардан сонъ языла биле) [т], [д], [н] сеслери бироз йымшалгъанына бакъмадан къатты айтыла: *ерде, куцю, отъмек, бугуцъ, цеветчи, дегме*;

- Къырымтатар тилининъ специфик сеслерини базы балалар яхшы теляффуз эталмай. Оджа бойле анылата:

[къ] сесини айткъанда терен тиль арты танълайгъа тие. Къыяс этемиз: *Къырым – Крым, къалем – куръсю*; [гъ] сеси [къ] сесининъ янгъыравукъ чифти: *сагълыкъ, огълан – газета, гели*;

[нъ] сесини теляффуз эткенде, тилимизнинъ арт къысымы танълайгъа тие, ава бурун ёлунен чыкъа: *чанъ, кирицъиз, децъиз*;

[дж] сеси “д+ж” сес бирикмеси киби тез ве йымшакъ айтыла, [ч] сесининъ янгъыравукъ чифти. Къыяс этемиз: *джевиз – чечек*;

[ц] индже созукъ сесини къалын [о] сеснен тенъештирип теляффузыны косътеремиз ве бири индже, экинджиси къалын олгъаныны къайд этемиз: *отъмек – оджа*;

[я] индже созукъ сесини къалын [у] сеснен къыяс этмек керек: *учъ – ун, утю – уфакъ*;

[э], [и], [ц], [я] созукълары — ог сыра (индже) сеслер, оларны теляффуз эткенде тиль огге таба аркет эте; [а], [ы], [о], [у] созукълар арт сыра (къалын) сеслер, оларны айткъанда, тиль бироз арткъа чекиле.

Бойле этип оджа менимсениледжек сёзнинъ сеслерини талебелерге теляффуз этмеге огрете. Шу макъсаднен махсус мешгъулиетлер, къафиелешкен сёзлер, оюнлар къуullanыла.

6. Талебе сёзни танымакъ керек. Оджа янъы сёзлерни айта, бала келишкен предметни, ресимни, оюнджакъны косътере. Я да: оджа сёзни айта, ресимни косътере. Эгер ресим айтылгъан сёзге келишсе, талебелер: “*Эльбет, догъру*”, — дейлер. Келишмесе: “*Ёкъ, догъру дегиль*”, — деп джевап берелер. Бойлеликнен, бу басамакъта бала сёзни даа огренмеди, амма энди таный.

7. Янъы сёзлер ярдым иле айтыла. Оджа бир къач сёз айта, талебе олардан бирисини текрарлай. Месея: “*Сен анги туююни бегенесинъ — мавы, ешилъ я да къырмызыны?*”. “*Ресимдеки себзе — согъанмы, сарымсакъмы, турунмы?*” Балагъа оджадан сонъ сёзни текрарламагъа къолайджадыр.

8. Балалар сёзлерни ярдымсыз сёйлейлер. Месея оджа бойле шарт къоя: “*Ресимлердеки айванлар оларнынъ адларыны айткъан талебелерге бараджакълар*”. Я да: “*Ким къолумдаки предметнинъ адыны айтса, оны шу балагъа береджегим*”. Мында оджа талебелернинъ бильгилерни коре, тешкере.

9. Менимсенильген сёзлерни джумле ичинде къуullanалар. “*Сенде не бар?*” — “*Менде къалем бар*”. Даа бир мисаль: “*Байрамгъа бармакъ ичюн даветнаменинъ джылтында олгъан ресимини тасвирлемек керек*”. Джумлелерни ойле тизмели ки, оларны айтып балалар икяе, текст айтмагъа огренсинлер.

10. Янъы сёзлерни къуullanып текст, икяе, масал айтыла. Оджа ишни текст эсасында тизе, чешит коръгезмелер къуулана. Бу пек муим басамакъ, чюнки багълы нуткъ — ишнинъ нетиджесидир.

Бойлеликнен талебелер янъы сёзнинъ манасыны бильмектен гъайры, шу сёзни нутукъларында фааль ишлетмеге огренелер.

Биз теклиф эткен усул эсасен башлангъыч сыныфлар ичюн яратылгъан, лякин башкъа сыныфларда да оны мувафакъиетнен файдаланмагъа мумкюн.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ:

1. *Асанова Л.Н.* Башлангыч сыныфларда кырымтатар тилини огретювни интенсивлештирюв меселеси: Методик къулланма. — Симферополь: Тарпан, 1999. — 88 с.
2. *Никитенко З.Н.* Технология обучения лексике в курсе английского языка для детей шести лет в 1 классе средней школы // Иностранные языки в школе. — 1991. — №4. — С. 52 — 59, 71.
3. Подготовка студентов к работе с учащимися 6-летнего возраста: Учебное пособие / А.Я. Савченко, В.Ф. Олейник, С.Л. Коробко, Н.М. Бирик / Под ред. А.Я. Савченко. — К.: Вища шк., 1990. — 263 с.

ТРЕБОВАНИЯ КОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

На первой странице указываются:

1. Сведения об авторе печатаются на русском языке (Ф.И.О., должность, звание, полное название учреждений).
2. Название статьи, краткая аннотация (на украинском, русском, английском языках). В аннотации указывать название статьи.
3. Обозначить УДК.

Оформление справочного аппарата статьи:

1. Ссылки концевые в тексте используются квадратные.

Например:

[1], [2], [3] или [1, с. 15], [10, с. 25].

2. В конце статьи указываются использованные источники и литература:

Например:

Ганкевич В. На службе правде и просвещению. — Симферополь: Доля, 2000. — 328 с.

Керимов И.А. Умер Ипчининъ "Гъазы Мансур" поэмасы // Голос Крыма. — 2005. — № 12. — 18 марта.

Кононов А.Н. В.В. Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник. 1971. — Москва: Наука, 1972. — С. 7-15.

Стандарты набора:

1. Шрифт — Times New Roman.
2. Формат страницы — А 4.
3. Тексты, таблицы и др. материалы набираются в Microsoft Word.

Языки публикации — украинский, крымскотатарский, русский и др.

В редакцию предоставляются распечатка статьи и ее электронная версия на CD или на диске.

Н.В. ЯБЛОНОВСЬКА,
канд. філол. наук, доцент,
докторант Інституту журналістики
Київського національного
університету ім. Тараса Шевченка

ОФІЦІЙНА КРИМСЬКОТАТАРСЬКА ПРЕСА ПЕРІОДУ ДЕПОРТАЦІЇ

УДК 070(09)(477)

У статті досліджено кримськотатарську пресу періоду депортації, названо основні офіційні видання, які виходили в СРСР для депортованих кримських татар, встановлено умови їх організації і ті межі, у яких вони могли підтримувати самосвідомість свого народу.

Ключові слова: етнічна преса, депортація, кримські татари, "Ленин байрагы", "Йылдыз".

В статье исследуется крымскотатарская пресса периода депортации, названы основные официальные издания, которые выходили в СССР для депортированных крымских татар, установлены условия их организации и те границы, в которых они могли поддерживать самосознание своего народа.

Ключевые слова: этническая пресса, депортация, крымские татары, "Ленин байрагы", "Йылдыз".

The Crimean Tatars periodical of the deportation is investigated in the article, the titles of the main official editions for the deported Crimean Tatars, conditions of its organization and its influence on the national self-awareness are researched.

Key words: ethnical press, deportation, Crimean Tatars, "Lenin bairagy", "Yildyz".

Постановка проблеми. Розвиток кримської етнічної преси, історія якої нараховує майже півтора століття, не був поступальним: крива його злетів і падінь, повторюючи вигини і "перегини" історії півострова, іноді опускалася до нульової позначки — у період, коли з Криму примусово виселялися цілі народи, які століттями визначали його долю і культурну своєрідність. У серпні-вересні 1941 р. з півострова були виселені німці (усього було депортовано 61184 особи — німців і членів їхніх родин), 18 травня 1944 р. було розпочато депортацію кримських татар (усього було виселено 187859 осіб), у червні 1944 р. — депортовано вірмен, греків, болгар (9620 — вірмен, 12420 — болгар і 15040 — греків) [2, с. 54, 60, 64.].

Зневажливе і навіть вороже ставлення Радянської держави до депортованих нею кримських татар, німців, вірмен, які випускали переважно більшість довоєнних етнічних видань, надовго закрило вченим шлях до цілого масиву культури Криму. Тому дотепер кримська етнічна преса — явище маловивчене, і дослідити її — означає встановити перерваний ланцюг духовної історії багатьох понівечених депортацією і сталінщиною кримських етносів: кримських татар, караїмів, вірмен, болгар, греків, німців. Саме малодослідженість історії етнічної преси Криму та її велике суспільно-політичне значення зумовили актуальність нашої статті, мета якої — проаналізувати кримськотатарську періодику періоду депортації. Названа мета зумовила такі наукові завдання: назвати основні офіційні видання, які виходили в СРСР для депортованих кримських татар, встановити умови їх організації і ті межі, у яких вони могли підтримувати самосвідомість свого народу.

Після депортації кримські татари були позбавлені не тільки можливості вести культурно-освітню діяльність, а й нормальних умов існування. Тільки за 12 років після

депортації, після смерті Сталіна, під час “відлиги” ставлення радянської адміністрації до кримськотатарського питання трохи пом’якшилося: 28 квітня 1956 р. вийшов Указ Верховної Ради СРСР “Про зняття обмежень щодо спецпоселення з кримських татар...”, 1 травня 1957 р. у Ташкенті почала виходити перша і головна кримськотатарська газета періоду депортації “Ленин байрагы” (“Ленінський прапор”) (орган ЦК Компартії і Ради Міністрів Узбецької РСР). Редакторами газети були А. Іслямов, А. Дерменджі, Ю. Болат, Т. Дагджі, Ш. Рамазанов, Н. Умеров.

Сьогодні неможливо не відзначити подвійності ролі “Ленин байрагы” у кримськотатарській історії. З одного боку, сам вихід газети був своєрідним руйнуванням тієї змови мовчання, якою офіційна преса оточила кримських татар за принципом: немає народу — немає проблеми. Вихід кримськотатарської газети став найпереконливішим доказом того, що немає ніякого “народу-зрадника”, а є радянський кримськотатарський народ — рівний серед рівних у єдиній родині народів, якою ідеологія того часу представляла СРСР.

Крім того, саме редакція “Ленин байрагы” під керівництвом Т. Дагджі добилася від радянської влади через звернення до ЦК КПРС права зазначати, що газета виходить кримськотатарською мовою (тобто, по суті, відродило порушене право називати свій народ саме кримськими татарами).

Зі слів англійського дослідника Е. Оллвурта, публікації “Ленин байрагы”, які, відродивши кримськотатарське літературне життя та мову і відновивши контакти всередині кримськотатарського етносу, відіграли ту ж роль, що і “Терджиман” на початку ХХ століття [9, с. 261].

Функція підтримки газетою національної мови свого народу виявилася надзвичайно важливою в той час, коли мовна політика русифікації стала однією з головних складових організованого етноциду.

Переборюючи трагедію розпорошення по території декількох республік (М. Губогло і С. Червонна вказують, що з майже 300 тисяч населення (за даними перепису 1989 р.) більш-менш значне ядро етносу збереглося лише в Узбекистані (188,8 тисяч чоловік — 69,5 % усіх

кримських татар країни), але навіть тут кримські татари були “розпорошені” між низкою областей [3, с. 84 — 85]), кримські татари декларативно назвали рідною мову свого етносу: за даними перепису 1989 р., кримськотатарську визнали рідною мовою 92,6 % народу [3, с. 86], цей показник (93 %) наводить і Всеукраїнський перепис населення 2001 р. [1].

Безумовно, декларувати мову свого етносу як рідну — не те ж саме, що досконало володіти нею (за оцінками експертів, навряд чи 30 % кримських татар володіють мовою настільки, щоб читати на ній художню літературу), однак саме декларація пріоритету своєї національної мови перед усіма іншими є тим самим фундаментом, на якому це знання обов’язково буде побудовано.

З іншого боку, дослідники одностайні й у тім, що “Ленин байрагы”, навіть залишаючись довгий час єдиною кримськотатарською газетою серед 307, які видавалися в Узбекистані, “не повністю відбивала інтереси свого народу” [9, с. 185]. І перш за все, вона не порушувала і не могла порушувати питання про повернення кримськотатарського народу на свою батьківщину, в Крим.

Коли наприкінці 1970-х — на початку 1980-х рр. влада Узбецької РСР доклала багато зусиль для переселення кримських татар у два степових слаборозвинених райони — Мубарекський і Бахористанський (загальна площа цих двох організованих у 1979 р. районів становила 5440 кв. км, тобто приблизно 1/5 частину території Криму, і містила в собі шість невеликих населених пунктів; корінним населенням цих районів були переважно туркмени), в офіційних кримськотатарських органах — газеті “Ленин байрагы” і журналі “Йылдыз” — появилися численні публікації, які пропагували цей проект. Більшістю кримських татар це було сприйнято як зрада їхніх національних інтересів.

Однією з постійних тем газети “Ленин байрагы” стало і “викриття” активістів дедалі впливовішого кримськотатарського національного руху: [4; 6; 7; 8] та ін., причому більша частина авторів таких публікацій приховувалася під псевдонімами. Проте, неможливо не погодитися з деякими дослідниками у тому, що часто ці публікації мали зворотний ефект: “прокльони злітали, як лузга, імена залишалися в народній пам’яті” [3, с. 20].

У період перебудови “Ленин байрагы” почала усе більше відходити від нав’язаного офіційного курсу і відображати інтереси свого народу. Поворотним моментом історії газети став проведений її редакцією 24 липня 1987 р. страйк на знак незгоди з наклепницьким “Повідомленням ТАРС”. У 1988 р. колектив редакції газети у відкритому листі М.С. Горбачову звернувся до Державної комісії у справах кримських татар на чолі з А.А. Громико з вимогою про відновлення кримськотатарської державності в Криму, уточнюючи, що дана вимога висловлена не окремими особами кримськотатарської національності, а всім кримськотатарським народом [5]. У 1991 р. газета повернула собі назву головного кримськотатарського видання Кримської АРСР — “Янъы дюнъя” (“Новий світ”), а з січня 1992 р. почала виходити у Криму.

У 1976 р. група кримськотатарських письменників і поетів: Різа Фазил, Уріє Едемова, Сафтер Нагаєв, Ібраїм Паші, Аїдер Осман і Джевдет Аметов — звернулася до ЦК Компартії Узбекистану з проханням про відкриття журналу “Тань йылдызы” (“Світанкова зірка”). Однак цензура відмовилася затвердити цю назву, побачивши в слові “світанок” (“тань”) натяк на заборонене національне відродження.

У 1976 р., через 32 роки після депортації, кримським татарам, нарешті, було дозволено видавати у Ташкенті при видавництві ім. Г. Гуляма літературний альманах (1976-1980 рр., головний редактор Черкез-Алі, у 1976 р. вийшов друком 1 номер, у 1977-1980 рр. — по два номери на рік), перетворений потім на журнал “Йылдыз” (“Зірка”). Журнал виходить з 1980 р. дотепер. Першим головним редактором видання (1980-1987) був відомий поет і письменник Шаміль Алядін. З 1980 р. виходило друком 6 номерів на рік, з 1998 р. — 10 номерів. Незважаючи на те, що і це кримськотатарське видання могло функціонувати тільки у встановлених партійним наглядом рамках, воно дало поштовх до розвитку національної мови і літератури, відкрило нові імена кримськотатарських письменників і поетів. У той час, коли з журналу вилучалися навіть ілюстрації із зображенням Чорного моря, на його сторінках усе-таки були опубліковані твори, які становили золо-

тий фонд кримськотатарської літератури: вірші і поеми Ешрефа Шем’ї-заде, повісті Шаміля Алядіна “Запрошення на бенкет до диявола” і “Чокърачыкълар” (“Джерельця”), повість Еміля Аміта “Оленьче джерело”, есе Сабріє Ереджепової “Меним энишли — екъушлы елларым” (“Мої тернисті шляхи”) та ін. З початком перебудови журнал почав публікацію раніше заборонених творів Б. Чобан-заде, І. Гаспринського, А. Гірайбая, Ш. Бекторе, А. Лятіф-заде.

З 1992 р. “Йылдыз” видається у Криму, залишаючись тут найбільш авторитетним кримськотатарським художньо-публіцистичним і літературним журналом.

У результаті все більшої “лояльності” брежнєвського режиму почали появлятися й інші офіційні кримськотатарські видання. На початку 1980-х рр. в Узбекистані виробничим об’єднанням “Каршіїрстепбуд” видавалася багатотиражна газета кримськотатарською мовою “Тань” (“Зоря”) [29]. Виходили друком і дві районні газети — “Бахористан акъикъаты” (“Бахористанська правда”) (Памук) і “Достлукъ байрагы” (“Прапор дружби”) (Мубарек), які засвідчили спробу штучної організації двох невеликих кримськотатарських районів.

Отже, у радянський час не тільки вирішення проблем депортованих, але і саме їхнє обговорення було неможливим на сторінках офіційної преси. Ситуації не змінило навіть відкриття радянських кримськотатарських друкованих органів: газети “Ленін байрагы” у 1957 р. і журналу “Йылдыз” у 1976 р., які, на відміну від кримськотатарського самвидаву і зарубіжної преси, не відображали і не могли відобразити головного прагнення свого народу — повернення на історичну батьківщину. Однак поряд із тим радянські видання кримських татар виконували дуже важливі функції відродження кримськотатарського літературного життя та мови і відновлення контактів всередині кримськотатарського етносу.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ:

1. Всеукраїнський перепис населення 2001 [мови] // <http://ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/language/crimea>.
2. *Габриелян О.А., Ефимов С.А., Зарубин В.Г.* Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. — Симферополь: Амена, 1998. — 340 с.
3. *Губогло М.Н., Червонная С.М.* Крымскотатарское национальное движение. — Т.1. История. Проблемы, перспективы. — М., 1992. — 331 с.
4. Клеветник с претензиями // *Ленін байрагы*. — 1983. — 9 апреля.
5. “Ленін байрагы” газетасынынъ хадимлерни КПС МК Баш кятиби М.С. Горбачев аркъадашкъа // *Янъы дюнья*. — 2004. — 15 травня.
6. Провокаторы ищут пособников, или как они сели в лужу // *Ленін байрагы*. — 1983. — 6 августа.
7. *Роллан Кадыев.* Падение. Открытое письмо гражданина СССР Роллана Кадыева бывшей советской гражданке Айше Сейтмуратовой // *Ленін байрагы*. — 1981. — 10 февраля.
8. *Сентов Р.* Слова гнева и презрения // *Ленін байрагы*. — 1981. — 9 июня.
9. *Allworth E.* Tatars of the Crimea. Their Struggle for Survival. — Durham and London: Duke University Press, 1988. — 396 p.

Т.Н. КУРШУТОВ,
ст. научный сотрудник
НИЦ крымскотатарского
языка и литературы

ЭДИГЕ КЫРЫМАЛ. МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ

Статья посвящена малоизвестным фактам в жизни и деятельности одного из лидеров крымскотатарского национального движения в эмиграции — ученого, публициста, общественно-политического деятеля Эдиге Кырымала.

Ключевые слова: репрессии, Крым, журнал, публицистика.

Стаття присвячена маловідомим фактам в житті і діяльності одного з лідерів кримськотатарського національного руху в еміграції — вченого, публіциста, суспільно-політичного діяча Едиге Киримала.

Ключові слова: репресії, Крим, журнал, публіцистика.

This article is devoted to the un studied facts from life and activiti of Crimean Tatar National Movement leader Edige Kyrymal during the emigration.

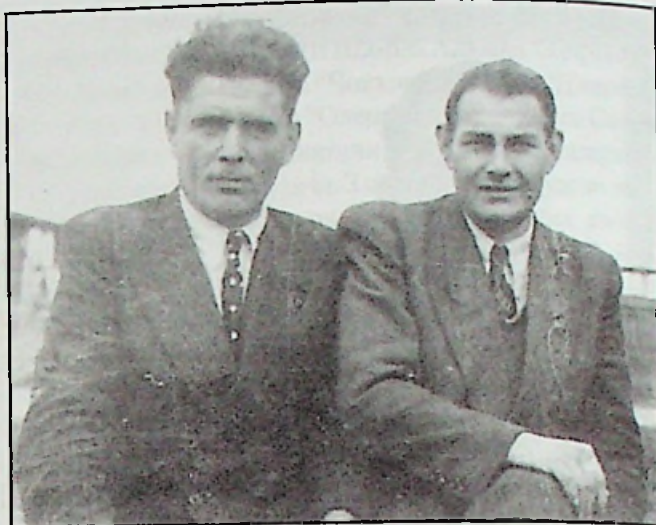
Key words: repressions, Crimea, magazine, publicism

Имя этого человека, как и его общественно-политическая деятельность, а также исторические и публицистические статьи, к сожалению, еще мало известны в Крыму.

Известно, что отец Эдиге — Мустафа Шинкевич, выходец из польско-литовских татар перед началом I Мировой войны переезжает из Речи Посполитой в Крым, в Бахчисарай. Здесь в 1911 году и родился Эдиге Шинкевич, который позже взял фамилию Кырымал. Начальное и среднее образование Эдиге получил в местной школе деревни Дереккой, затем продолжил учебу в Ялтинском лицее. Чтобы получить высшее образование, поступил в Симферопольский педагогический институт. Во время учебы Эдиге Кырымал, как и другие молодые студенты, оказывается под пристальным вниманием местного отделения Главного Политического Управления. В этот период Советская власть и её карательные органы начинают проводить зачистку Крыма от антисоветских элементов. В основном это были делегаты I Курултая, члены партии Миллий Фирка, крестьяне — “кулаки”. Не минула подобная участь и представителей крымскотатарской молодежи, которые учились в средних и высших учебных заведениях Крыма. Таким образом, репрессии, отмеченные арестом тысяч крымских татар в конце 20-х годов, вынудили бежать Эдиге Кырымала сначала в Азербайджан, затем при поддержке местных национал-патриотов он перебрался в Иран, а оттуда в Турцию. Прибыв в Стамбул в 1932 году, Эдиге знакомится с местными организациями крымских татар, и, что самое главное, встречается с человеком, который сыграет важную роль в его жизни. Этим человеком был руководитель Крымскотатарского национального Центра в Турции Джафер Сейдамет.

Два года спустя он уезжает в Польшу в город Вильно, к дяде — Муфтию польско-литовских татар, который был одним из влиятельных людей татарско-мусульманского сообщества Польши. Спустя несколько

Справа налево
Эдиге Кырымал,
Мюстеджип Улькусал.

месяцев поступает на факультет политологии местного университета.

В период учебы в университете Эдиге Кырымал знакомится со многими студентами польско-литовского происхождения, а также студентами крымскими татарами, приехавшими на учебу в Вильно из Констанцы (Румыния). В Вильно вместе со своими единомышленниками создает крымское национальное общество студентов. Он начинает активно публиковаться в европейских периодических изданиях, в журналах: "Zcitie Tatarske", ("Татарская жизнь"), "Rocnik tatarski", ("Татарский ежегодник"), "Kurtuluş" ("Освобождение"), "Emel" ("Стремление"), "Şimali Kafkasya" ("Северный Кавказ"). Можно отметить некоторые из его статей, которые публиковались под псевдонимом Кырымлы Йигит. В их числе, "Крым татарский или российский?", "Исмаил бей Гаспринский", "Русский алфавит — новое оружие Москвы в русификации Крыма", "Взгляд Сталина на новую советскую Конституцию". Статьи, как правило, были посвящены Крыму, репрессиям, которым подвергались крымские татары со стороны советской власти.

В 1939 году Эдиге Кырымал заканчивает учебу в университете, в этот же период женится на польско-литовской татарке Аймелек. После начала Второй мировой войны и оккупации Польши германскими войсками, 22 января 1940 года вместе с супругой уезжает через Берлин в Стамбул. Пробыв в Турции до декабря 1941 года, Эдиге Кырымал после консультации с Джафером Сейдаметом выезжает в Берлин в качестве представителя крымских татар в Германии.

Во время немецкой оккупации Украины и Крыма, Кырымал был в Германии, пытался обеспечить права и защиту крымских татар в Крыму. Перед окончанием войны вместе с Мюстеджипом Улькусалом помог многим крымским татарам, а также представителям других тюркских народов, которые находились в лагерях для военнопленных или были угнаны в Германию в качестве рабочей силы, не попасть в зону ответственности советских войск. Подобная деятельность помогла избежать репрессий и арестов многих крымских татар со стороны советских властей. Таким образом, многие крымские татары через зону ответственности американцев и их союзников смогли переправиться в относительно безопасные страны, в том числе Италию, Францию, Египет, Иорданию и Турцию. Об этом свидетельствуют воспоминания крымскотатарских деятелей, живших в эмиграции, которые спаслись благодаря поддержке Джафера Сейдамета, Эдиге Кырымала и Мюстеджипа Улькусала.

После окончания Второй мировой войны Эдиге защитил докторскую диссертацию в университете города Мюнстер и получил ученую степень доктора философии. Его главным научным трудом можно считать монографию, которая была издана на немецком языке в 1952 году в городе Эмсдетен "Der nationale Kampf der Krimtürken" ("Национальная борьба крымских тюрков"). Данная монография является одним из ключевых исследований национальной борьбы крымских татар в 1917-1918 гг., поскольку в книге автор использовал огромное количество фактологического материала, документы из личного архива, а также архивов Джафера Сейдамета, Мюстеджипа Улькусала, Абдуллы Зихни Сойсала и других.

В начале 50-х годов Эдиге Кырымал начинает работать в Институте Исследования СССР в Мюнхене, одновременно являясь редактором периодического издания на турецком языке "Dergi", который издавался институтом. Он продолжил публикацию своих научных статей о крымскотатарском народе в журналах Германии и Турции на немецком, турецком языках. Умер Эдиге Кырымал в 1980 году и был похоронен в Мюнхене. Перезахоронен в Крыму (в Бахчисарае) в 2007 г.

Е.В. ЧЕРНЫШЕВА,
препод. Симферопольского
музыкального училища
им. П.И. Чайковского

ОТРАЖЕНИЕ ТЮРКО-СЛАВЯНСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ В УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ МУЗЫКЕ

УДК: 94(= 512.1) + (367) «06/13» +
78.022 (= 512.1)

В статье на основе письменных и археологических документальных источников показаны основные этапы взаимодействия тюркских и славянских народов на протяжении VII — XIV столетий на территории Восточной Европы.

Ключевые слова: этноорганоология, аккультурация, симбиоз.

У статті на підставах письмових та археологічних документальних джерел показані основні етапи взаємодії слов'ян та тюрків протягом VII — XIV сторіч на території Східної Європи.

Ключові слова: етнооганологія, аккультурація, симбіоз.

In the article the main steps of Turkish and Slavonic interaction in the Eastern Europe during the VII — XIV centuries.

Key words: Ethno-organology, acculturation, symbiosis

Песенное творчество и инструментальная музыка — важнейшая часть духовной культуры народа. Богатство и разнообразие украинских музыкальных инструментов — бесспорный факт. Неоднократно освещаемые культурные феномены дают основание для постановки следующего вопроса.

Художественные представления определенных этнических и социальных групп изменяются — происходит ли это постепенно или принимает революционный характер. Тюркское воздействие на украинскую музыкальную культуру неоднократно отмечалось исследователями XIX столетия — Н.В. Лысенко, П.П. Сокальским. Интерес к данной проблеме сохранили Ф. Колесса, К. Квитка. Однако период VI—XIV ст. для музыковеда, специалиста по этноорганологии, — своеобразное белое пятно. В научных кругах лишь констатировалась самобытность украинских музыкальных инструментов эпохи средневековья. Об истории их появления известно крайне мало. Еще совсем недавно определенный идеологический фон не позволял исследователю высказать предположение о том, что, подобно болгарской, культура украинцев имеет славянские и тюркские корни одновременно. Прямые запреты препятствовали изучению процесса становления крымскотатарской народной инструментальной музыки.

Цель статьи — проследить зависимость развития украинских музыкальных традиций, в частности, появление новых музыкальных инструментов, от взаимодействия с тюркскими народами, определить этапы этого взаимодействия.

Отношения исследователей 50–70 гг. XX в. к письменным и археологическим источникам было недостаточно объективным. В.В. Вертков в работе «Музыкальные инструменты русского народа» цитировал византийского историка Симокатту, который рассказал о трех славянах, взятых в плен греками в 591 г. Пленники, державшие в руках кифары (гусли), утверждали: «...мы играем на лирах, поселику не умеем играть

на трубах» [5, с. 54-55]. Обычно эта цитата используется для доказательства того, что трубы у славян были, а пленники лгали. Однако археологические источники свидетельствуют о том, что ратных труб у славян, действительно, не было.

В ряде случаев авторы руководствовались конъюнктурными соображениями. Аргументы приводились следующие: «Нет сомнений, что пастушеский рог был товал на Руси с глубокой древности, и в то же время сведений о нем вплоть до конца XVI – начала XVII в. не встречается» [5, с. 66].

Был сделан вывод о «местном, киевском» характере инструментов, обнаруженных в захоронении «Черная могила» на Черниговщине [12, с. 140]. Тем не менее, найденные роги украшены тонкой серебряной оправой с узорами скифского «звериного стиля». Явно прослеживается влияние арабского искусства. Обряд погребения в точности соответствовал восточно-иранским обрядам [16, с. 100].

Народная инструментальная музыка украинцев, особенно на начальном этапе ее развития, была теснейшим образом связана с культурой тюркских народов, издавна живущих по соседству. Зачастую – союзников и родичей. В ряде случаев – и непосредственных противников. Однако фактор славяно-тюркской аккультурации в эпоху средневековья замалчивался. Обитатели Великой Евразийской Степи в соответствии с шовинистическими стереотипами рассматривались как своего рода «трутни человечества».

Невозможно не отметить, что «кобзарь» (народный музыкант), «казак» – ключевые фигуры в украинском национальном самосознании. Но сами эти термины впервые встречаются не в славянских источниках, а в половецких – в словаре-разговорнике «Codex Cumanicus». Кобуз видели Карпини и Рубрук при дворе Батыя (разумеется, в руках половецких музыкантов).

Сопоставим с тем, что с момента своего возникновения барабан, тулунбас, зурну (сурмы) и литавры имели казачьи оркестры.

Казачьи думы современные исследователи называют «субстанцией украинского этноса» [7, с. 76]. Но еще Н.В. Лысенко связывал музыкальные особенности украинских дум не со случайным, как предполагалось, сербским

влиянием, а с непосредственным заимствованием у крымских татар [14, с. 843-845]. Н.В. Лысенко также упоминал «бзуру татар черноморских» (крымскотатарское бжура – разновидность саза), предполагая, что этот инструмент напрямую связан с украинской кобзой.

При сопоставлении двух изданий труда «Характеристика музичних особливостей українських дум і пісень, виконуваних кобзарем О. Вересаєм» (1891 г. и 1955 г.) выясняется, что в издании 1955 г. исчезает материал о бзуре, которая имеет сходство с кобзой, а также любые упоминания о «татарах черноморских» [15].

П.П. Сокальский, первым после Н.В. Лысенко поднявший тему особенностей украинской музыки эпохи средневековья, задавал вопрос: «Остались ли эти особенности от глубокой древности или образовались от общения с ближайшими соседями XII–XIII в. – с валахами, венграми, турками и другими племенами?» [23, с. 152]. Выдающийся исследователь деликатно намекает на крымских татар («другие племена»). Ведь труд его вышел в 1888 г. – в период контрреформ Александра III, известного своей шовинистической политикой, в том числе и по отношению к представителям этого народа. В 1878 г. происходит очередное, четвертое по счету, массовое переселение крымских татар в Турцию, спровоцированное и организованное царскими чиновниками. Царская цензура препятствует публикации исследований фольклориста, который доказал, что Украина не нуждалась в окольных путях и для получения вводного тона, то есть заимствовала его у соседей-татар.

Как в средние века, так и во время правления Александра III, а позже И.В. Сталина, политическим становится вопрос о вводном тоне и о путях его заимствования, о происхождении инструментов, метроритмической системе и т.д.

Относительной свободой творчества (несмотря на политическую нестабильность) пользовались украинские исследователи, являвшиеся подданными Австро-Венгрии, а затем – гражданами Польши.

Филарет Колесса в 1921 г. писал: «Непрерывные контакты с народами Азии, которые продолжают в украинской истории с древнейших времен, а кое-где имеют место и теперь, оставили значительные следы в языке, народной словесности, обычаях, одежде, орнаменте, и, кажется, более всего в народной музыке украинцев...» [13, с. 74-75].

Воздействие тюркской музыки на славянскую косвенно подтверждается значительным количеством письменных и археологических источников, которые свидетельствуют не только о наличии контактов тюрков с великими цивилизациями Древнего Востока, но и о полноценном культурном обмене.

Эпоха Тюркского каганата.

В I в. н. э. племя хуннов смешалось на Алтае с кыпчаками. Другая группа хуннов достигла Семиречья, а затем Волги. Со степными племенами Средней Азии, Севера Казахстана и Южной Сибири с начала I в. н. э. были тесно связаны Парфия и Хорезм. На эстетические

нормы степной художественной традиции в значительной степени опиралось искусство кочевых племен и оседлых земледельцев.

Достаточно сильным было влияние Ирана. На обнаруженных при раскопках глиняных флягах Кой-Кырылган-Кала (территория современной Каракалпакии) сохранилось изображение арфы, которая находит аналогии в музыкальных инструментах ахеменидского времени [24, с. 68].

Составные капители у входа в буддистское святилище Айратам (I в. н.э.) украшены нагрудными изображениями. 14 персонажей, 5 из которых — музыканты с двойной (парной) флейтой, барабаном, лютней, арфой и кимвалом. Треугольная форма арфы восходит, как считает Б.Я. Стависский, к степной среде [24, с. 76]. Он упоминает также о живописных изображениях музыкантов из Топрак-Кале (Хорезмское городище на побережье Аму-Дарьи). По одному из этих изображений III — начала IV века помещение получило название «Зал арфистки» [24, с. 114].

Тюркские ханы во второй половине VI в. становятся хозяевами Великой Евразийской Степи и контролируют территорию от Хингана. Китайские правители в это время пытались превратить кочевников в своеобразных «федератов», защищающих границы. Династия Суй строила свои отношения с тюркютами, основываясь на потребности последних в шелковых тканях. Хорошим подарком считались и предметы, имеющие отношение к воинскому искусству. Так, в 609 г. н. э. император Янди подарил хану 2000 кусков шелковых тканей. Вместе с тем были присланы колесница, верховые лошади, литавра, музыкальные инструменты, знамена [8, с. 146]. В 610 г. в Лояне для «вассалов» стали устраиваться праздники. Была сооружена огромная сцена, где беспрестанно играли 18 тысяч музыкантов.

Правление династии Тан (618–690 гг.) было своеобразной «эпохой эллинизма» для Китая. Если применительно к V — началу VI века допустимо говорить о влиянии китайской культуры на недавно сформировавшиеся этносы, то теперь речь шла о полноценном «культурном обмене». Правитель Ли Ши Минь и его последователи силой хотели объединить Китай и кочевой мир. Тюркские воины принимались на службу, а китайцы скрывались в степь от деспотизма. В стране вырос интерес

ко всему иноземному. Музыка различных народов, в том числе тюркская, исполнялась императорским оркестром еще со времен Бэй-Чжоу (557–581 гг.), исторической предшественницы Тан.

Тюрки способствовали развитию меновой торговли. Расовый принцип их культуре был совершенно чужд, и она впитывала в себя достижения покоренных народов.

Особенно активно в VI–VIII ст. тюрки расселяются на территориях, находящихся под сильным культурным влиянием Согда (это территория современных Ташкента, Ферганы, севера Киргизии, юга Казахстана). Памятники согдийского искусства кануна арабского завоевания достаточно самобытны. В росписи стен замка в Балалык-Тепе (около Термеза) встречаются фигурки музыкантов. Музыканты также изображены на стенах парадного царского дворца в Пенджикенте (в 60 км от Самарканда), где четко просматриваются флейта и барабан. Одно из самых известных изображений — знаменитая Пенджикентская арфистка [24, с. 168].

На северо-востоке Средней Азии влияние тюркских племен в VI–VIII вв. проявилось особенно ярко. Найдены рунические надписи, курганные погребения, балбалы и т.д. Скорее всего, с этим регионом связано серебряное с позолотой блюдо VI–VIII вв., найденное на Урале (пос. Аниковское), на котором изображен фрагмент сюжета книги Иисуса Навина «Осада Иерихона». Восемь воинов на башне трубят в трубы размером в 2/3 человеческого роста [24, с. 235]. Фактически это первое в истории музыкальных инструментов упоминание о трубах значительной длины. Этот инструмент достаточно типичен для Средней Азии. Характерно, что появление подобного изображения хронологически совпало с массовым заселением этого региона тюркскими племенами.

Таким образом, применительно к VI–VIII векам допустимо говорить о существовании определенных традиций музыкального искусства народов, населяющих Тюркский каганат. Это искусство явилось результатом синтеза оригинальной степной культуры, культурных традиций оседлого земледельческого населения Средней Азии, а также результатом воздействия Китая.

Мы можем отметить древность инструментов типа арфы. У степняков они имели треугольную форму, у жителей Хорезма и Бактрии (с VI в. называемой Тохаристаном) — обычную, полукруглую. Для тюрков характерно раннее использование военной музыки, литавр. Традиции массового музицирования, по всей вероятности, были привнесены зрелищностью китайских церемоний. Формирующиеся в течение многих веков культурные традиции Китая, особенно в эпоху династии Тан, положительным образом воздействовали на молодой тюркский этнос. Трубы в 2/3 человеческого роста, крупные духовые инструменты с VI в. н.э. — это своеобразная «визитная карточка» тюркских народов, как курганные погребения, балбалы.

Продолжение тюркской культурной традиции. Первые контакты со славянами.

Принято считать, что для тюркских этносов эпохи

средневековья характерна прерывистость культурной традиции. У тюрков, потомков гуннов, информация о последних существовала в основном в виде легенд. О тюрках ничего не было известно соратникам Чингис-хана. Однако хазары, по-видимому, были исключением из этого правила и не без основания считали себя наследниками Тюркского государства по следующим причинам:

1. Предки хазар жили среди агациров, авар, савиров, оногуров — подданных каганата; язык относился к болгаро-печенежской группе языков;

2. Тюркский каганат просуществовал до 744 г., когда его войска были разбиты китайской армией, однако Хазарская держава управлялась исключительно царевичами из тюркской династии Ашина; хазары считали себя наследниками тюркютов;

3. Царевич носил титул кагана;

4. О древности традиций, ведущих свое начало от традиций Тюркского государства (490–741 гг.) говорит довольно высокий уровень культуры населения: грамотность большинства жителей, руническая письменность и т.п.

После распада страны в 745 г. значительная часть тюрков-кочевников стала подданными Великой Болгарии во главе с ханом Курбатом. Западной границей Хазарского каганата был Днепр. Северяне, вятичи и радимичи платили дань хазарам, а уличи и тиверцы были союзниками последних в борьбе против мадьяр, а иногда и против князя. Исследователи допускают участие тюрко-болгарских племен в формировании славянских племенных союзов на Левобережье [1, с. 56]. О преемственности тюркских традиций эпохи средневековья свидетельствует находка в погребении хана Курбата (с. Малая Перещина Полтавской области) серебряной чаши сасанидской эпохи, на которой изображен музыкальный инструмент, напоминающий арфу [4, с. 35].

Печенеги в конце IX века (889 г.) нанесли Хазарии первый удар и отрезали ее от Византии. В 915 г. «...придоша печенеги на русскую землю и створиша мир с Игорем, идоша к Дунаю» [19, с. 32]. Отношения с Русью были довольно сложными: два союзных договора 915 и 944 гг., участие печенегов в походе Владимира на Волжскую Болгарию, засада и убийство князя Святослава в 991 г. Однако, по словам Кон-

стантина Багрянородного, «...росы не могли ни воевать, ни торговать, если находились не в мире с паначакитами» [18, с. 15].

Относительно непродолжительным было их пребывание на территории Восточной Европы, недолгим само существование этого древнего этноса. Тем более ценно свидетельство персидского географа Гардизи, который успел отметить наличие у печенегов военной музыки: «У них есть копы и знамена, которые они поднимают во время битв; их трубы, в которые дуют во время битвы, сделаны наподобие бычьих голов» [3, с. 120]. Вновь упомянуты (очевидно, как наиболее яркая деталь) трубы значительной длины.

Перенос циклонов на север в лесную зону Евразии, имевший место в IX–X вв., а затем и засуха в причерноморских степях, по Л.Н. Гумилеву, являлись основными причинами перемещения на запад различных групп тюркских народов. При близости культур и общности происхождения каждый из этих этносов имел свою историческую судьбу, свой тип контакта с Русью.

Торки, подошедшие к устью Сулы в 1055 г., были разбиты князем Всеволодом. А в 1060 г. триумvirат (сыновья Ярослава Изяслав, Святослав и Всеволод) и полоцкий князь Всеслав «...совокупише воя бесчислены и поидоша на коних и в лодях бесчисленное множество на торкы». Торки отступили и «...помроша бегающе... Овии же от зимы, друзии же голодом, инии же мором...» [19, с. 152]. Оставшиеся в живых поступили на службу к киевским князьям, поселившись в Поросье. В основном из торков состояли княжеские дружины, о которых говорили как о «своих поганых».

Половцы (кимак, поманы, кыпчаки) — народ древней культуры. Поскольку переселение тюркских народов на территорию Восточной Европы было связано с изменением климата, то есть было вынужденным, многим племенным сообществам пришлось смириться с потерей привычных условий жизни, сложившейся системы хозяйствования. В случае с половцами мы, вероятно, имеем дело с непродолжительным отказом от оседлости. Археологические исследования в Прииртышье позволяют утверждать: половцы были знакомы с земледелием [9, с. 81]. Уже в XII в. арабский путешественник Ал-Идриси писал о хорошо укрепленных половецких городах, где находились базары и храмы. В IX веке климатический фактор был благоприятнее для половцев, чем для торков и печенегов, и они продолжали быть хранителями древних тюркских традиций. С другой стороны, материальная культура (обряд погребения, способ организации зимовок, вежи и т.д.) у печенегов, торков и половцев имели совершенно незначительные отличия. «Тюркские древности, — утверждают археологи, — не отличаются от печенежских» [16, с. 67]. Полагаем, что унаследованное от древних тюрков сочетание ратного искусства и военной музыки было характерно для всех трех этнических групп.

Дешт-и-Кыпчак в XII–XIII вв. занимает огромную территорию от Алтая до Карпат. Русские князья вынуждены считаться с правителями Великой Степи. Однако,

в соответствии с данными Лаврентьевской летописи, за 180 лет (1055–1236 гг.) половцы нападали на Русь 12 раз, русичи на половцев — 12 раз, а совместных русско-половецких операций в междоусобных войнах было 30. Именно половцы далее других тюркских народов пойдут как по пути интеграции в славянское общество (династические браки, метисация в пограничных территориях, переселение на Русь целыми родовыми кланами, принятие христианства и т.д.), так и по пути гармоничного сосуществования, своеобразного «симбиоза» славян и тюрков, «леса и степи».

Следует учитывать, что в IX–XII вв. ни одно племенное сообщество Восточной Европы не существовало в полной изоляции от соседей. Полиэтничность была характерна практически для всех регионов. К примеру, в X в. печенеги вытеснили из Приднестровья и Подунавья тиверцев, разрушили их города, а улличей вытеснили в Поросье. Об этом говорится у Константина Багрянородного. Смешанным по составу было население городов, расположенных по Днестру и Дунаю [9, с. 81]. В Подоньи и в Приазовье обитал конгломерат различных племенных групп [1, с. 34]. Население Среднего Поднепровья также было смешанным. На Черниговщине курганы кочевников и славян X в. расположены рядом (либо захоронения осуществлялись в общих некрополях) [16, с. 123]. И, наконец, об этнической и социальной неоднородности населения Киева свидетельствуют погребения IX–X века в соответствии с обрядами трупосожжения и трупоположения [2, с. 269]. Б.А. Рыбаков в связи с этим отмечает: «Киев и его окрестности были местом собирания в IX–X вв. разнородных дружин: сюда попадали и пленные ляхи, и поселенные князем словене, чужды и кривичи, нанятые варяги, и торки («свои поганые»), и датчане, и изгнанные монахи, и арабские купцы, и венгерские наездники» [21, с. 269].

1. Зарубежные гости о населении Восточной Европы

К анализу письменных источников, в частности, данных «Каспийского свода», информации о путешествиях Карпини, Рубрука следует подходить, учитывая факты, установленные археологической наукой:

– этническая неоднородность, смешанный состав населения;

– характер контактов между различными группами последнего;

– особенности музыкальной культуры тюркских народов и преемственность культурных традиций.

Нельзя не отметить ценность арабских и персидских источников для изучения быта, традиций славянских и тюркских этносов. Арабские авторы неоднократно сообщают о музыкальных инструментах и пении.

В работах А.С. Фаминупна, А.Б. Привалова, К.А. Верткова цитировались дорожные заметки Ибн-Руста (Ибн-Даста), Ибн-Фадлана, Аль-Фараби и других арабских путешественников. Однако не проводились сопоставления текста письменного источника с археологическим материалом (либо точно установленными историческими фактами). К примеру, музыковеды не учитывают, что русы (о которых упоминают постоянно) и славяне — это не один и тот же народ и т.п.

Не умаляя значения так называемого «Каспийского свода» и других письменных источников, следует помнить: информация арабских путешественников не всегда объективна в том, что касается климата, плодородия почв, уровня зажиточности населения, товаров, которые это население могло предложить. Во-первых, эти сведения составляли коммерческую тайну. Скорее всего, торговцы Халифата хотели сохранить свое преобладание в этом регионе. А арабский капитал по своему весу опережал греческий и европейский. При раскопках в Киеве обнаружено всего 4 западноевропейских динария, 200 византийских и 11 тысяч арабских монет VIII–IX вв. [2, с. 267]. Без сомнения, все, кто в Халифате занимался торговлей, прекрасно знали, где находится Киев и насколько славянские и половецкие земли могут быть интересны для купцов. Невероятно также, чтобы кто-нибудь из них заблудился и смотрел на Черное море как на Азовское, а именно эта ошибка отмечена в трудах Ал-Масуди. Во-вторых, славянские земли не удалось включить в Халифат, они не были мусульманскими. По идеологическим соображениям нужно было доказать, что жизнь там тяжела и безрадостна. Следовало скрыть информацию о большом количестве пресной воды, зеленых трав, о полноводных реках, дремучих лесах и населении, далеко не бедном, давно признающем торговлю и успешно ее ведущем. Ни один из авторов «Каспийского свода» не сообщает о водных ресурсах в славянских и половецких землях. До XIII в. жители этих земель выглядят в сообщениях путешественников бедными и дикими. В-третьих, как отметил А.Я. Гаркави, «в решении этнографических задач играют первую роль сравнительное языкознание и антропология, а об этих двух науках не имели в средние века никакого понятия» [22, с. 16].

Наименование «славяне» служит у Ибн-Фадлана термином для обозначения жителей Северо-Восточной Европы. Он был, по-видимому, уверен, что болгары, которых, собственно, и обращало в ислам его посольство, — славяне (по замечанию автора, они ему сказали сами) [22, с. 259]. Ал-Масуди также не очень представлял, чем дунайские болгары отличаются от

волжских [22, с. 185]. Этническая принадлежность народов, о которых сообщают арабские и персидские авторы, — вопрос сложный. Историки XIX века имели основание воскликнуть (как Шафарик и Млевель): «Здесь не славянский дух и не славянской пахнет...» [22, с. 265]. Абу-Бакр заявляет о крайней дикости и невежестве славян, их удаленности от всякой мудрости [25, с. 230]. Хазраджи пишет: «Баджанаг (печенеги)... едят только просо и сочетаются с женщинами на открытой дороге...» [10, с. 370]. Ибн-Даст (Ибн-Руст) замечает: «Все они (славяне) идолопоклонники. Более всего сеют они просо. Во время жатвы берут они просяные зерна в ковше, поднимают к небу и говорят: Господи, ты снабжал нас пищей (до сих пор), снабди и теперь нас ею в изобилии...» [20, с. 88]. Ибн-Даст приписывает славянам напиток сиджу (кроме его записей, ни один источник не говорит об этом). Однако автор XIV в. Эломари утверждал, что просо — традиционная еда кыпчаков (половцев): «...Посевы проса... в нем заключается основная еда их» [10, с. 371].

Стоит вспомнить, что в 30-е годы XX столетия А.З. Валиди Тоган утверждал: «Славяне — для арабских путешественников общее наименование различных народов тюркской и угро-финской групп». Он основывал свои аргументы на том, что Ал-Масуди называл «сакалиба» немцев («немчин») и турок [20, с. 88], а Абул-Фида (компилятор XIII-XIV века) сообщал: «Руссия — Умма тюрков на востоке с гузами» [17, с. 407].

Что же из фактов, приводимых арабскими и персидскими авторами, мы можем принять к сведению? Однозначно можно предположить (поскольку существует ряд других источников), что славяне служили рабами у русов. Об этом пишут Ибн-Хордабех и Ал-Джайхани [17, с. 38]. Русы в «Своде» — ближайшие к Прикаспию, волго-донские (что соответствует теории южного происхождения Руси от аланов). В VI в. в районе Северного Кавказа русов видел Захир-ад-дин. У Димашки Руссия — степь между Доном и Днепром [20, с. 87]. Существуют определенные противоречия: у Ибн-Руста, Гардизи, Мукадасси русы находятся на севере Европы, а у славян два объединения: Киев

и Новгород. Более точны известия арабских путешественников XII-XIV вв., особенно со второй половины XIII в., когда монголы нашли за Дербентом «...славян, алан и русских» [17, с. 39]. Известно, что в это время султан принимал послов хана Берке. Джучидское государство входит в мусульманский субэтнос. Монголами, кыпчаками, славянами особенно интересуются в Халифате и чрезвычайно внимательно собирают о них информацию. В некотором смысле к монголам и кыпчакам относятся с особой теплотой (стоит обратить внимание, к примеру, на отзывы о хане Берке).

Многие арабские путешественники стремились к точной фиксации фактов о перемещении этносов, отношении к религии, властных структурах, политических деятелях. Но и в ранний период (VII-XII вв.) не существовало причины скрывать и искажать информацию о музницировании. Это не имело отношения ни к политике, ни к коммерческим интересам. Поэтому данные сведения могут служить источником для этнологического исследования, тем более, что фиксировались они достаточно аккуратно. Ибн-Фадлан в 20-е годы X столетия описал погребальный обряд народа, увиденного на реке Итиль (в комментарии Итиль — имя реки, текущей в Хазар из Руса и Булгара, то есть Волга). Через 300 лет о наблюдениях Фадлана рассказывал Якут в «Большом словаре». Люди эти пришли с товарами, следовательно, рядом был город. Они были высокие, имели мечи и секиры, любили горячие напитки. Они «...поставили в могилу горячий напиток, плоды, лютню (или саз, балалайку (?))» [22, с. 109]. Количество струн неизвестно. Еще более неясно, кого в действительности видел на Волге Ибн-Фадлан. Погребальный обряд был не славянским. Ал-Масуди (Абу Хасан Али ибн Хуссейн) в 20-50-е гг. X ст. сообщал: «Славяне имеют многие города, также церкви, где навешивают колокола, в которые ударяют молотком, подобно тому, как у нас христиане ударяют колотушкой по доске» [22, с. 125]. Это ценная информация о самом древнем виде колокола у славян (или у половцев?).

Информация Абу Али-Ахмеда ибн-Омара Ибн-Даста (30-е гг. X ст.) порождает множество гипотез: «Есть у них (жителей Куяба) разного рода лютни, гусли и свирели (уд, танбур, мизмар). Их свирели длиною в два локтя, лютня же их осьмиструнная» [22, с. 265]. В соответствии с представлениями арабов, у жителей Куяба (Киева) было две разновидности лютни (лютня и гусли), а также мизмар (длинная продольная флейта). Однако 8-струнных гуслей у восточных славян не существовало. В разное время и в различных регионах количеством струн колебалось от 11 до 36, большим распространением пользовались 20-25-струнные инструменты. Упоминание танбура позволяет предположить, что у славян в X веке появилась домра. Однако археологически это не подтверждается. Письменные славянские источники, включая летописи, «Жития», постановления «Стоглавого собора» и «Домострой», никаких сведений об инструменте подобного устройства не содержат. Особое внимание следует обратить на то, что

арабский путешественник видел разновидность продольной флейты, ствол которой достигал 1 м в длину. Но при раскопках такую флейту не находили, авторы летописей о ней умалчивают.

Возможны два варианта истолкования сообщений Ибн-Даста.

1. Он видел не славянских музыкантов. Это вполне возможно. Выше упоминалось об этнической неоднородности Киева. Об этих же людях арабский путешественник говорит, что они любят просо. Но просо любили печенеги и половцы.

2. Перед нами одно из самых ранних упоминаний о кобзе и флюяре как об одном из результатов славяно-тюркской аккультурации.

«Каспийский свод» зафиксировал ситуацию такой, какой она сложилась к X столетию. Но тюрко-славянские этнические контакты были гораздо более ранними. Продолжительный исторический процесс VII–XIV ст. следует разделить на несколько этапов:

1. В VII–IX вв. славяне подчинялись Хазарскому каганату.

2. После разгрома каганата князем Святославом в 965 г. отношения вступают в новую фазу. Святослав «многих приведе к Киеву, а на прочих дань возложил» [19, с. 139]. Летопись от 1023 г. упоминает хазар на русской службе [19, с. 214], а Ал-Масуди отмечал важную роль славянских воинов в Хазарской Орде [22, с. 92].

По Ибн-Русту, в 30-е гг. X ст. славяне находились в 10 днях пути от печенегов (от Среднего Поволжья). А по свидетельству архиепископа Бруно Кверфуртского, который пробыл месяц при дворе князя Владимира Святославича (980–1015 гг.), граница со степью была в 2-х днях пути от Киева [17, с. 423]. Итак, контакты намного сблизились.

В 1154 г. Ал-Идриси сообщает: русские стали играть важную роль в Хазарии [17, с. 45]. По всей вероятности, речь шла о славянах, но не из Киевской Руси, а из земель, соседних с Венгрией и страной Дж-с-Улийа. Эта страна упоминается также как близкая к Германии и к бассейну Черного моря. Таким образом, ее следует отождествлять с Галицией. Скорее всего, это были бродники из оспариваемых Галицким княжеством и Венгрией районов. Ярослав Осмомысл (1152–1189 гг.) мог организовать их отправку в Хазарию, а за-

тем на восток (против султана Египта Салах-ад-Дина), чтобы удалить от собственных владений и установить сильную княжескую власть.

«Слово о полку Игореве» повествует о князе Ярославле: «Стремяши отня злата стола салтани за землями» («Стреляешь в далеких султанов с золотого престола отцовского»). Былина называет хазарином богатыря Михаила из Галича. Таким образом, Галицкое княжество имело тесные контакты с хазарскими землями и арабским востоком.

Сопоставим с тем, что только Галиция (Ал-Идриси употребляет Галисийя для г. Галича) и Закарпатье имеют флюяру и трембиту длиной 2 м и более. У остальных украинцев распространена короткая сопілка, у русских — сопель. Не случайно еще в XIX столетии Ю. Федькович, И. Вагилевич, Е. Нойбауэр настаивали на правильности гипотезы о тюркском происхождении гуцулов Закарпатья. Утверждалось, что это наследники гуцулов, половецкого племени. У Ю. Федьковича читаем: «гуцулы пишутся половецкого роду» [28, с. 106]. Трембита и флюяра, тюркизмы в языке («чічек» — цветочек, «калаї» — бедная), топонимика (Кульбаба, Капливец, Албинец, Сараба, Команове, Еловигора и т.д.), оригинальный антропологический тип (широкие лица) — все это заставляет думать, что украинские и немецкие исследователи не ошиблись.

3. Новый этап в развитии славяно-тюркских отношений был связан с появлением в Северном Причерноморье половцев. Хазары, печенеги, торки искали поддержки у киевских князей (иногда у черниговских). Период половецкого господства дал наиболее значительные результаты для формирования украинского этноса и оригинальной культуры, значительно отличающейся от культуры Киевского периода.

Плано Карпини сообщает: в XIII в. у устья Дона хазары слились с окружающими христианами. Только у донских казаков в XIX в. А.Б. Приваловым будет обнаружена зурна [5, с. 44]. Древняя, но не древнеславянская, она менее совершенна, чем среднеазиатская зурна. Пять (а не восемь) игровых отверстий, диатонический звукоряд в объеме малой сексты. Это заставляет предположить, что музыкальный инструмент заимствован у тюркских народов в эпоху раннего средневековья. Отметим в связи с этим, что историкографы, писавшие в XVIII в. об украинском казачестве, выводили его происхождение от хазар и касогов, упоминаемых летописью 965 и 1023 г. Без сурны не обходились военные оркестры Казацко-гетманской державы [28, с. 32]. Только в X в. у восточных славян появляется труба, ведь торки появились в Поросье, а войско в Кневе и в Чернигове стало комплектоваться из «своих поганных». Сотрудничество и общие интересы дают устойчивые фольклорные связи. К культурному обмену естественным образом вело состояние симбиоза.

Аккультурация в годы правления Джучидов.

Первое монгольское вторжение, согласно Географическому словарю («Муджам ал-дуллан») Йакута, на-

шло за Дербентом «хазар, алан и русских до самых половецких степей». Среди последствий включения половецких и восточнославянских земель в государство Джучидов следует выделить следующие.

С одной стороны, наблюдается дальнейшее ослабление половцев, репрессии по отношению к части половецкой аристократии, сокращение кочевий. Новая форма зависимости, так называемый унаган-богол, вынуждала весь род находиться там, где указывали представители новой власти [26, с. 235]. Так сократилась территория проживания половцев, тем более, что десятки куреней (родов), не желая подчиняться Джучидам, ушли в Венгрию. У Ал-Калкашанди сказано, что кыпчаки «...плохо живут, потому что не оседлые земледельцы. А сильные холода влекут падеж их скота» [17, с. 46]. Немаловажным фактором была межплеменная ненависть. Племя Токсоба (в русских летописях – Токсобичи), помогая завоевателям, активно продавало в рабство Бурчевичей, среди которых оказался будущий основатель Каирской династии – Бурдж-Оглы.

С другой стороны, монгольское вторжение стало новым этапом славяно-тюркской аккультурации. «Когда татары напали на кыпчаков, – сообщает Ибн-аль-Асир, – то одни закрылись в болотах, другие – в горах, а третьи ушли в страну русских» [25, с. 26]. Известно, что половцы целыми родовыми кланами принимали в 30–40 гг. XIII в. христианскую веру. Это объясняется реакцией на разрушение их мира и стремлением получить поддержку Чернигова и Киева. Ибн-Баттута в 1334 г. увидит половец-христиан даже между Судакком и Кафой [17, с. 44]. Тем более, что, по свидетельству проповедника ордена миноритов брата Иоганнки, татары «...позволяют христианам сохранять свой закон и веру. Братья же наши, которые близ них живут в монастырях и обителях, пожинают обильную жатву, проповедуя, совершая для обращенных и прочих церковные таинства» [11, с. 206].

К концу XIII в. состояние тюрко-славянского симбиоза восстанавливается и сохраняется достаточно долго, судя по тому, что «...черкесы, русские и византийцы живут в Сарае» [25, с. 306]. Эломари сообщает, что у султана этого го-

сударства (Золотой Орды) «...рати черкесов, русских и ясов», а Рухнеддин Бейбарс упоминает также о факте убийства Ногай (1300 г.) неким русским из войска Тохты [25, с. 113].

Значительная часть половцев (тем более, монгольская верхушка) с XIII в. была включена в мусульманский субэтнос. Это положительным образом отразилось на развитии культуры, в том числе культуры музыкальной. Хан Берке становится искренне верующим. Посетив в Бухаре шейха Сейфеддина Эльбахези, он «...простоял у дверей скита до утра, затем вошел и поцеловал ноги шейха». Хан «...презирал излишества в пролитии крови и непомерность в разорении страны, отличался простотой, снисходительностью и миролюбием» [25, с. 205].

В ноябре 1263 г. в дар послан Берке египетский султан передал «всяческие прекрасные вещи, в том числе механизмы (органы) с футлярами». Татарам из войска Хулагу, принявшим ислам, «были назначены наделы и хоры музыкантские» [25, с. 100].

Музыка постоянно сопровождала знатных и коронованных особ султаната. Ибн-аль-Асир даже имел основание осудить «...такого из царей мусульманских, у которого забота не простирается дальше чрева и уда». Ибн-Баттута рассказывает, что «...при кади, сопровождающем султана на празднике, были литавры и знамена»; пока идет празднование, «...все это время поются песни» [25, с. 300]. Под влиянием музыки султаната складываются традиции исполнительского искусства тюркских народов как Северного Причерноморья, так и Средней Азии. Прежде всего, это музыка военных оркестров. В «Книге побед» Низам-ад-дина Шами, рассказывающей о боевых действиях армии Тимура, говорится: «Тимур приказал, чтобы степь и пустыню огласили звуками труб и литавр» [11, с. 206]. Литавры упоминаются особенно часто в XV веке. «Начав бить в литавры царства своего, он (Токта-хан) оживил законы царской власти», – говорится в «Родословной тюрков» анонимного автора XV столетия [11, с. 206]. Ударные инструменты сопровождают войско у всех тюркских народов, к примеру, в Хорезмской области XV в.: полководец Эмир Эдигу «...приказал поднять его знамя и барабанщикам его велел бить в литавры», – пишет Абдар-Разан [25, с. 194].

Как было указано, о музицировании в любой его разновидности охотно писали путешественники и востока, и с запада. Они прекрасно знали Джучидское государство и славянские земли. Влиять на позицию автора могли личные симпатии или антипатии, связанные с религиозными или политическими соображениями. Однако все, что связано с музыкальной культурой, – вне идеологии, и эта информация является особенно ценной. У кыпчаков в Крыму Гильом Рубрук, как он пишет, не видел «наших» (то есть европейских) гитар и рылей, но «...есть много других инструментов, которых у нас не имеется». «...У дома, перед входом в дверь, стоит кумыс, и возле него гитарист со своей маленькой гитарой. В гитару он ударяет, когда господин начинает пить. Кроме того, когда они устраивают

праздник, то все хлопают в ладоши и также пляшут под звуки гитары» [27, с. 35]. То, что житель Западной Европы назвал гитарой, вероятно, было подобие саза. Таким образом, по свидетельствам арабских, персидских и западноевропейских путешественников, монгольское завоевание, а затем и принятие ислама тюркским населением Золотой Орды имели важные последствия для населения Восточной Европы. Не покинувшие Крым и Северное Причерноморье половцы стали частью мусульманского субэтноса, растворив в своей среде небольшо-

численных монголов. Они обрели поддержку Халифата и испытали положительное воздействие арабской культуры эпохи ее расцвета. Получивший в XIII веке политическое единство Крым, его оседлое земледельческое население повлияли на дальнейшее развитие музыкального искусства народа, который с этого момента можно называть крымскими татарами. Другая часть половцев, принявшая православие, достаточно быстро интегрировалась в славянское общество. У них не было причин отказываться от своих музыкальных инструментов: литавр, сурн, труб, саза, кобыза, от привычных песенных интонаций. Это станет основой музыкального искусства запорожских казаков, а затем и Казацко-гетманской державы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. *Артамонов М.И.* К вопросу расселения восточных славян и археологии // Проблемы всеобщей истории — М.: Наука, 1969. — С. 52 — 64.
2. Археология УССР. — Т. 3. — К.: Наукова думка, 1986. — 575 с.
3. *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893-1894 гг. // Записки АН сер. VIII. — 11. — СПб, 1899. — С. 407.
4. *Вдовиченко И.И., Баранов И.И.* Музыка в средневековом Крыму // IV Таврические чтения. — Симферополь: КРКМ, 2005. — С. 33-39.
5. *Вершков В.В.* Музыкальные инструменты русского народа. — Л.: Музыка, 1975. — 277 с.
6. *Горенко-Баранівська Л.* Військова музика козацько-гетьманської держави // Музична Україна. — Вип. 3. — 1999. — С. 32 — 37.
7. *Грица С.* Українські думи в міжетнічному діалозі // Родовід. — 1995. — № 11. — С. 68-80.
8. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. — М.: Товарищество «Клышников-Комаров и К», 1993. — 503 с.
9. *Добролюбовский А.О.* Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. — К.: Наукова думка, 1986. — 141 с.
10. Древнерусское государство и его международное значение. — М.: Наука, 1965. — 476 с.
11. «Из глубины столетий» / Сост., вступ. статьи и комм. Б.Л. Хамидуллиной. — Казань: Татарское книжное изд-во, 2000. — 271 с.
12. Історія української музики. — К.: Музична Україна, 1989. — 463 с.
13. *Колесса Ф.* Мелодії Українських народних дум. — Львів, 1921. — 103 с.
14. *Лисенко М.В.* Характеристика музичних особливостей українських дум і пісень, виконуваних кобзарем Вересаєм // Вестник Европы. — Кн. 8. — 1891. — С. 843 — 845.
15. *Лисенко М.В.* Характеристика музичних особливостей українських пісень, виконуваних кобзарем О. Вересаєм. — К.: Мистецтво, 1955. — 87 с.
16. *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. — К.: Наукова думка, 1987. — 164 с.
17. *Новосельцев А.П.* Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М.: Наука, 1986. — С. 488.
18. *Плетнёва С.Л.* Половцы. — М.: Наука, 1990. — 202 с.
19. Полное собрание российских летописей. — Т. 2. — СПб, 1882. — 206 с.
20. *Поляк А.Н.* Восточная Европа IX-X вв. в представлении Востока // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. — М.: Наука, 2001. — С. 79 — 107.
21. *Рыбаков Б.А.* Поляне и северяне // Советская этнография. — 1977. — № 6-7. — С. 254 — 272.
22. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с пол. VII века по X век по Р.Х. / Собрал, перевел и объяснил А.Я. Гаркави. — СПб: Типография Императорской Академии наук, 1890. — 306 с.
23. *Сокальский П.П.* Русская народная музыка. Велкорусская и малорусская в ее строении мелодическом и ритмическом. — Харьков: Типография А. Даре, 1888. — 368 с.
24. *Стависский Б.Я.* Искусство Средней Азии (древний период VI в. до н.э. — VII в. н.э.). — М.: Искусство, 1974. — 389 с.
25. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. — в 2-х томах. Т. 1. — СПб: Издано на ижд. графа С.Г. Строганова, 1884. — 230 с. — 306 с.
26. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. — М.: Изд-во МГУ, 1966. — 274 с.
27. Хрестоматия по этнической истории старожильческого населения Крыма. — Симферополь: Таврия-плюс, 2004. — 768 с.
28. *Штирер Иван.* Известия византийских историков о славянах. — Ч. 1. — СПб, 1770. — С. 54-55 // <http://www.krotov.info/acts/07/simoohtm>.
29. *Шухевич Р.* Гуцульщина (Репринт. издание). — Чернівці: Верховина, 1991. — 304 с.

А.А. ДЖЕЛИЛОВ,
историко-филологический ф-т,
5 курс, специальность: "Английский
язык, крымскотатарский язык
и литература". РВУЗ "КИПУ"

ЭТНИЧЕСКОЕ КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЖИЛИЩЕ XV — XIX ВВ.

У статті освітлені особливості етнічного кримськотатарського житла XV — XIX вв., розроблена класифікація житлових будівель, виявлені принципи об'єднання побутових і рекреаційних функцій в етнічному житлі.

Ключові слова: етнічне кримськотатарське житло, національні традиції, архітектурне середовище, ознаки і закономірності кримськотатарської архітектури.

В статье освещены особенности этнического крымскотатарского жилища XV — XIX вв., разработана классификация жилых зданий, выявлены принципы объединения бытовых и рекреационных функций в этническом жилище.

Ключевые слова: этническое крымскотатарское жилище, национальные традиции, архитектурная среда, признаки и закономерности крымскотатарской архитектуры.

The article presents the features of the Crimean tatars' ethnic dwelling of XV — XIX cc. There have been ascertained the principles of association of household and recreational functions in the ethnic dwelling. Classification of residential buildings is developed.

Key words: Crimean Tatars' ethnic dwelling, national traditions, architectural environment, signs and conformities to the law of Crimean Tatars architecture.

С конца 1980-х годов начался новый период в жизни крымскотатарского народа — возвращение и обустройство в Крыму. В комплексе задач и проблем этого несладкого периода особенное значение приобретает проблема возрождения культуры и национальных традиций. Это также касается и архитектуры в целом. Задача возрождения последней является нелегкой, так как очень много утрачено с момента прихода к власти коммунистов в 1917 году. Немалый интерес для народа и общества представляет один из элементов архитектуры — это жилище, которое является одним из первых на пути восстановления и возрождения национальной культуры. Ведь, прежде всего в жилище проявляются черты быта, труда и отдыха народа.

Для общественности любой страны исследования в области национальной архитектуры, а в особенности жилища, являются престижными и актуальными. Это в полной мере относится к тематике данной работы, посвященной исследованию крымскотатарского жилища XV — XIX вв.

Новизна работы состоит в том, что впервые были выявлены и с научно-теоретических позиций освещены признаки и закономерности развития крымскотатарской архитектуры, в частности жилища: признаки формообразования; приоритет функционального; специфика архитектурно-художественных решений:

Большинство средневековых крымских поселений горного и предгорного Крыма располагались на остатках бывших городищ и крепостей тавров, скифов и греков. Это, а также массовое распространение в Крыму в XII — XV вв. исламской религии существенно повлияло на структуру поселений и организацию жилища крымских татар.

Поселения образовывались из жилых кварталов. В плане поселения имеют центричный характер. Центр образовывался, в основном, пересечением нескольких главных улиц. В нём размещались все сооружения куль-

турно-общественного назначения. Характерным примером является город Kezlev (Евпатория).

Но основным критерием выбора места поселения являлся природно-климатический фактор, который и диктовал его градостроительное формирование. Примером того является, сохранившееся на 60% селение Këkköz (Соколиное) Бахчисарайского района. Основной композиционной осью которой является река Бельбек, вдоль которой расположена главная улица, по направлению её, по обе стороны размещены жилые дома. Южнее эта улица пересекается с другой, не менее важной улицей. На их стыке формируется центр селения, который сформирован дворцовым комплексом и зданиями общественно-культурного назначения.

К формообразующим признакам развития архитектуры Крыма можно отнести четыре основные группы:

1. Материальные;
2. Средовые;
3. Художественно-эстетические;
4. Эволюционные.

Материальные признаки формообразования связаны с конкретными зданиями и сооружениями крымской архитектуры, и в том числе: с функционально-типологическими, архитектурно-планировочными решениями и конструктивно-технологическими особенностями развития.

Формообразующие признаки архитектурной среды поселений включают природно-климатические факторы, социально-экономические условия и религиозные особенности в условиях Крыма.

Художественно-эстетические признаки формообразования отражают такие черты, как художественность образа, средства архитектурной композиции и специфику индивидуального образа.

Эволюционные признаки формообразования учитывают специфику поступательного развития архитектуры жилища, закономерности изменения архитектурной формы, а также преемственность развития национальной архитектуры.

В ходе исследования определяется ещё один немало важный признак архитектуры крымскотатарского жилища — приоритет функционального. Характеристиками функции в архитектуре средневекового крымскотатарского жилища Крыма являются:

- категории функции — удобство, назначение, польза;
- условия функционирования зданий — прочность, рациональные планировочные решения, традиционность;
- качество функции — монофункциональность, бифункциональность, многофункциональность;
- условия выбора функции — природно-климатическая среда, виды и формы деятельности, социально-экономический уклад общества.

В результате исследования можно определить классификацию жилища.

Традиционное крымскотатарское жилище классифицируется:

I. По социальным признакам:

1. Массовое жилище — кочевое, сельское, городское;
2. Индивидуальное жилище — дворцы, резиденции правителей.

II. По планировочным решениям:

1. Компактно-замкнутое;
2. Жилище свободной конфигурации;

III. По особенностям формообразования:

1. Малоэтажные (одноэтажные; двухэтажные);
2. Плоскостроительные и сжатые.

Но все эти типы жилищ находятся в сложном взаимном сочетании. И основным критерием выбора того или иного типа жилищ выступают природно-климатические условия, диктующие определённый характер застройки. Вследствие этого формируется определённая классификация жилищ по районам [2, с. 35].

Это:

- дома в городе Бахчисаре;
- сельские дома в Бахчисарайском районе;
- дома в степных районах Крыма;
- дома в югобережных районах Крыма.

Детальному изучению, функции и структуры, в данной работе подлежит — массовое жилище (сельское и городское). В результате исследования было решено разбить его изучение по четырём районам (согласно приведённой выше классификации) Крыма:

1. Крымскотатарский дом в г. Бахчисарай.

Расположение крымскотатарских домов и окружающих их дворов, более или менее однообразно. Домики, несмотря на внешнюю строгую изолированность одного от другого, соединены внутри калитками, посредством которых можно перейти через весь Бахчисарай, почти не идя по улице, только перебегая её, затем опять ныряя в калитку и так далее через сад во двор.

Двор, “azbar”, обычно небольшой, примыкает к дому со стороны фасада, состоит из двух частей, находящихся на разных уровнях: нижнего и верхнего двора. Верхний двор, “üst-azbar”, нередко представляет собой садик с несколькими фруктовыми деревьями и виноградом, образующим живые беседки. Никаких

хозяйственных построек и помещений для скота на дворе нет, так как скот круглый год находится в стаде [2, с. 12]. Если крымский татарин ремесленник или торговец, то его мастерская или лавка находится в определённом месте на главной улице городе, но не при доме. Дом является исключительно местом домашнего очага.

Соответствующий конкретному рельефу, каждый дом имеет асимметричный план, конструктивное и функциональное разделение по этажам: нижний (каменный) предназначен для хозяйственных нужд; верхний (фахверково-деревянный), жилой, как правило, разделён на мужскую и женскую половину.

Выступающая часть верхнего этажа — "tereme" поддерживается деревянными гнутыми подпорками.

И нижний и верхний этаж в простейшем случае состоял прежде каждый из одной комнаты, с небольшими сенями и кладовками внизу. Нижний этаж более тесный служил для жилья, во время короткой крымской зимы, а летом он часто представлял собой кухню и вообще непарадную часть дома. Верхний этаж, куда поднимаются по наружной лестнице через галерею, отличается чистотой и служит для вдохновения, отдыха, приёма гостей, а также спальни в летнее время. В сенях верхнего этажа, устраивался очаг для приготовления пищи.

Одноэтажный тип дома "bir qat", представляет собой прямоугольник, чаще всего сложенный из дикого камня на глиняном растворе с горизонтальной прокладкой деревянных брусьев — "duvar qısaq". Длина дома 10-15 метров, ширина 3-5 м, высота 3 м. Из камня сложены только три стены — "taş duvar", передняя же стена, в которой проделаны дверь и окна, делается плетневой — "çibuq-duvar", из ветвей орехового дерева и обмазывается глиной.

Низкое крылечко, на колоннах примыкает к сеням, откуда двери ведут направо и налево в разные половины дома, одну служащую для жилья и приготовления пищи, другую — парадную для приёма гостей. Пол, как в сенях так и комнатах земляной. Крыши таких домов имеют двухскатную или трёхскатную конструкцию.

2. Дома в Бахчисарайском районе. Наиболее характерный тип деревенс-

кого жилища предгорного района западного Крыма сохранился в глухих долинах северного пологого склона на южной Крымской гряде, в районах водораздела реки Качи и Бельбека. Здесь мы встречаем дома, выстроенные из дерева и представляющие собой своеобразные срубы. Такой сруб поднимается на сложенном из камня нижнем этаже — "tağaz", либо помещается прямо на земле на низком каменном фундаменте. Своды двухскатных крыш выполняются из обтёсанных массивных брусьев, потолки отсутствуют.

Значительно более сложную постройку представляют деревянные двухэтажные дома в горных деревнях — Özenbaş (Многоречье).

Дома располагались на пологом к улице склоне горы, искусственно превращенном в террасу, отвесный край которой в сторону улицы укреплен каменной кладкой в виде вертикальной стены, более двух метров высоты, углом выступающим вперёд.

Узкой стороной дом подходит вплотную к самому краю террасы, так что последняя представляет как бы продолжение стены дома, которая кажется здесь стеной крепости. Широкий фасад дома обращён на свободную площадь террасы, которая служит открытым двором. Задняя стена выходит в переулок, четвёртой стеной дом упирается в гору, теряя нижний ярус, становится одноэтажной деревянной постройкой. Нижний этаж дома имеет длину 8-10 метров, в ширину 3-4,5 метров и построен из камня.

Внутреннее помещение второго этажа по размерам соответствует нижнему, так что все остальное пространство отходит под галерею. Деревянный сруб образует только одну массивную переднюю часть второго этажа, когда остальная часть второго этажа является плетневой пристройкой.

Все двухэтажные дома имеют четыре комнаты, две внизу и две наверху. В нижнем этаже комнаты отделены друг от друга узкими сенями, вход в которые идёт через дверь, проделанную в середине бокового фасада. Комната — "soba" или "sobalı ev", расположенная в правой половине, размером четыре квадратных метра не имеет очага и служит гостиной. Жилая комната расположена слева, площадью 5 м² и высотой 2,5 м, имеет очаг, расположенный у бокового фасада.

На верхний этаж можно попасть через наружную встроенную лестницу, идущую на верхнюю галерею от земли. Обе комнаты служат для жилья.

3. Дома степных районов Карасубазара и Симферополя.

Дома степных районов Карасубазара и Симферополя отличаются беспорядочным расположением, с пустынным двором, окруженным низкой оградой и имеют неправильные, но довольно широкие улицы. Дома представляют собой одноэтажные строения с двухскатной крышей. Состоят из двух-трёх комнат. При жилье имелся хлев, находящийся с ним под одной крышей.

4. Южнобережный тип дома.

В поселениях этого южнобережного района, улиц

собственно нет совсем. Вместо их имеются кривые каменные лестницы в узких промежутках между двухэтажными домами, которые, в виде четырёхугольных правильной формы ящиков, громоздятся один над другим, образуя по склону ущелья сплошную многоярусную постройку. Фасад каждого дома с выступающей над балконом крышей на колоннах, обращённый обычно на юг, прекрасно виден, так как его не раскрывают ниже расположенные ряды строений. Дворовые постройки не развиты и ограничиваются небольшими навесами.

Отличительной чертой жилища южнобережного крымского татарина является, нигде не наблюдаемая в северном районе, плоская крыша, а также план расположения комнат, большею частью не в одну сторону (линию), а крестовидно.

В двухэтажных домах нижний этаж имеет назначение выравнивать площадку по склону горы для верхнего этажа, который в таком случае заходит вглубь своими задними помещениями за пределы нижнего этажа.

Углубляются в гору часто и боковые стены, и дом как бы развивается из приспособленной для жилья горизонтальной пещеры, искусственно вырытой (высеченной) в склоне горы. Это происхождение из пещеры ещё более подчёркивается материалом стен, только из трёх сторон построенных из дикого камня, в то время как передняя стена представляет собой загородку из плетня, обмазанной глиной. Всё это сверху покрывает плоская крыша [1, с. 14].

Особенно древний характер имеют одноэтажные дома. В его основе нахо-

дится четырёхугольное помещение, разделённое в середине на две части поперек плетневой перегородкой, к которой со стороны одной половины примыкает весьма просторный очаг. Вдоль всего помещения, с середины одной боковой стены на другую переложено толстое круглое бревно, поддерживаемое изнутри большой комнаты столбом с массивной капителью. Сверх этого бревна поперёк настланы более тонкие перекладины на расстоянии 30–35 см. друг от друга, заброшенные сверху толстыми досками, на которые насыпана земля, утрамбованная затем особой трамбовкой.

В результате исследования были разработаны определённые принципы и положения по формированию рекреационного этнического жилища, которые будут являться основополагающими.

Основной задачей является объединение рекреационной функции с этническим жилищем, вследствие чего выработаны принципы:

Историческо-художественная образность. С помощью характера выбранного района проектирования, планировки улиц и внешнего облика поселения.

Выбор и применение современного строительного материала под стиль, и характер жилища. С частичным вкраплением традиционных строительных материалов того времени XV — XIX вв.

Внутреннее убранство спальных и зальных помещений в национальном духе.

Выводы: Выявлена актуальность в области исследования и выбора темы “Этническое крымскотатарское жилище XV — XIX вв.”

Выполнен анализ литературных источников и научных исследований, которые в той или иной степени освещают архитектуру крымскотатарского жилища. Разработана классификация особенностей крымскотатарского жилища. Выявлены признаки и закономерности развития крымскотатарской архитектуры, по признакам формообразования, функциональной приоритетности, специфике архитектурно-художественных решений.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. *Дубровский М.* Жилище крымских горных татар. — Симферополь: Издательство Таврич. Губерн. Земства, 1914. — 22 с.
2. *Куфтии Б.А.* Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. — М.: Наука, 1925. — 50 с.
3. *Крикун Е.В.* Памятники крымскотатарской архитектуры. — Симферополь: Крымучпедгиз, 1998. — 112 с.
4. *Килессо С.К.* Архитектура Крыма. — К.: Будівельник, 1998. — 95 с.
5. *Кизилов М.Б.* Книга путешествий Эвлия Челеби: пер. с тур. — Симферополь: Таврия, 1996. — 240 с.
6. *Крикун Е.В.* Архитектура Южного бережья. — Симферополь: Крым, 1970. — 96 с.
7. *Крыженицкий С.Д.* Античные государства северного Причерноморья. — М.: Наука, 1993. — 500 с.
8. *Елпатьевский С.* Крымские очерки. Год 1913-й. — Феодосия: Коктебель, 1998. — 145 с.
9. *Засыпкин Б.Н.* Памятники архитектуры крымских татар. — М.: Наука, 1936. — 168 с.

ВЫПИСКА ИЗ ПОСЛУЖНОГО
СПИСКА АДЖЫ-АСАН УМЕРА
АСАНОВИЧА

Аджы-Асан Умер Асанович, 1897 года (1 февраля) рождения, уроженец города Евпатории Крымской области, по профессии педагог с высшим педагогическим образованием, окончил словесно-историческое отделение Крымского педагогического института, где обучался с 1922 по 1927гг. без отрыва от производства.

Аджы-Асан Умер Асанович, начиная с 1923 по 1935 годы состоял членом Академического совета Нар. Ком. Просы Крымской АССР, по поручению которого разрабатывал вопросы научно-методического характера — составлял учебники по крымскотатарскому языку, по методике письма, программы по языку, редактировал таковые; выступал докладчиком на конференциях и совещаниях на научно методические и языковедческие темы.

№	Поступил	Уволился	Место работы	Должность	Примечания
1.	05.11.1917	01.09.1918	Начальная школа	Заведующий, учитель.	
2.	01.09.1918	31.08.1920	6-летняя школа	Учит. родного языка и всеобщей истории.	
3.	01.09.1920	01.01.1921	Начальная школа	Заведующий, учитель.	
4.	01.01.1921	10.08.1922	Евпаторийский окружной ОНО.	Зав. школьным сектором.	
			9-ти месячные учительские курсы	Рук. курсов, препод. родного языка и методики, педагогики и истории.	По совместит.
5.	01.09.1922	01.09.1923	Евпаторийская 7-лет. школа.	Заведующий, учит. родного языка и истории.	
			Коллектив по составлению учебников для нач. школ при НКПросе Крыма.	Соавтор учебников по родному языку.	По совместит.
6.	01.09.1923	01.09.1926	Кара-Тобинская (Прибрежное) с/х. 7-лет. шк.	Препод. родного языка и истории.	
7.	01.09.1926	01.09.1930	крымскотатарский педагогический техникум.	Препод. родного языка, литературы и методики; зав. пед. практикумом.	
8.	01.09.1928	01.09.1929	Крымскотатарская опытно-показательная шк.	Методист.	По совместит.
9.	01.10.1929	01.10.1932	Крымский педагогический институт.	Ассистент каф. крымскотат. языка и лит-ры, на правах доцента вел курс "Современный крымскотат. лит. язык", заведовал пед. практикумом при каф. педагогики.	

№	Поступил	Уволился	Место работы	Должность	Примечания
10.	01.10.1930	01.10.1932	Высшие педагогические курсы при Крымском педагогическом институте.	Препод. современного крымскотат. лит. языка, руководитель пед. практики по языку и лит.	По совместит.
11.	01.09.1930	01.10.1935	Крымский пед. рабфак.	Препод. языка и лит.	По совместит.
12.	01.09.1932	01.10.1935	Крымский Медицинский Политехникум.	Препод. языка и лит.	
13.	01.10.1935	01.05.1937.	Крымский театральный техникум.	Препод. литературы, крымскотат. худ. речи.	
14.	28.04.1937	25.11.1943	Вынужденный перерыв в работе.		
15.	25.11.1943	5.09.1944	Случайные работы.		
16.	05.09.1944	15.08.1946	Казахская средняя школа.	Учитель русского языка.	
17.	09.1946	11.1949	Ю-Каз. области Артель в г. Самарканде.	Бухгалтер.	

Из личного архива Ю. Кандымова.

КАФЕДРА КРЫМСКОТАТАРСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ФИЛОЛОГИИ КРЫМСКОГО ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СПРАВКА

Крымскотатарский язык относится к огузо-кыпчакской группе тюркских языков. Как предмет изучается с периода раннего средневековья. В училищах при Судакском Джами (с 1222 г.), "Джами Бей-Хаджи Умера аль Бухари" (г. Старый Крым, с 1262 г.), "Джами Бейбарса" (г. Старый Крым, с 1280-х гг.), "Джами Узбека" (Старый Крым, с 1314 г.), в "Медресе Инджибей Хатун" (Старый Крым, с 1332 г.), "Зынджырлы Медресе" (Бахчисарай, с 1500 г.) в суфийских общинах таких, как "Текки", "Завие" в образовательных учреждениях типа "Дар-уль курра", "Дар-уль-хадис", "Дар-уль-хуффаз" и многих других учебных заведениях Крыма изучению сохранившихся (студентами медресе) крымскотатарского языка придавалось важное значение, ибо на нем велись обязательные "ваазы" (проповеди) на пятничных молитвах, совершаемых имамами мечетей, а арабская грамматика и риторика считались вспомогательными науками для изучения Корана.

На крымскотатарском языке столетиями велась переписка Крымского Юрта с Московией, Речью Посполитой, Великим княжеством Литовским, Шведским королевством и другими государствами. В архивах различных стран хранятся тысячи писем, посланий и договорных грамот на крымскотатарском языке. Сегодня известны имена более 200 поэтов и писателей Крыма XIII-XVIII веков. Наиболее древним из сохранившихся письменных памятников на крымскотатарском языке является поэма Махмуда Кырымлы "Юсуф и Зулейха", написанная в 1222 году в городе Кырым (Старый Крым). Поэма состоит из 1405 четверостиший. Всемирно известный лексикографический памятник крымскотатарского языка "Codex Cumanicus" был создан в 1294-1295 годах в Солхате (Старом Крыму). К XII и XIV векам относятся и арабо-тюркские словари, созданные в Крыму. Первая печатная книга на крымскотатарском языке опубликована в 1618 году.

На протяжении столетий крымскотатарский язык как предмет изучался и в местных школах-мектебе "иптидаий" (начальных), "рушдие" (неполных средних) и "идадие" (средних), а с начала XIX века и в уездных училищах, русско-татарских министерских, земских, и частных школах.

В 1917-1920-е годы крымскотатарский язык, кроме школ-мектебе и медресе, изучался на факультете "хуздам" в Бахчисарайском педагогическом институте имени Менгли Гирая, основанном по решению I Курултая крымскотатарского народа на базе "Зынджырлы Медресе", в женском педучилище Симферополя, а также в мужском педучилище имени Гаспринского в Бахчисарае.

В новое время, с начала 1920-х годов крымскотатарская филологическая база существовала при восточном отделении Таврического университета и педагогического института, где в разные годы преподавали проф. Б. Чобанзаде, А. Одабаш, О. Акчокраклы, И. Леманов, У. Аджи-Асан, А. Лятифзаде и другие видные ученые. С 1929 по 1941 год при Симферопольском педагогическом институте им. М.В. Фрунзе работал Научно-исследовательский институт, имеющий отделение крымскотатарского языка, литературы и фольклора, где выполнены кандидатские диссертации У. Куркчи, А. Фетислямова, Э. Куртмоллаева, А. Ислямова, Р. Муллиной, К. Джаманаклы. На крымскотатарском языке велось обучение в сотнях школ и десятках училищ и техникумов в Крымской АССР. До 1944 года на крымскотатарском языке издавалось более 100 названий газет и журналов и было опубликовано около 6.000 книг.

В годы депортации отделение крымскотатарского языка и литературы было открыто в 1968 году при Ташкентском государственном педагогическом институте имени Низами. В 1973 году здесь же образована кафедра крымскотатарской филологии во главе с известным ученым-тюркологом доцентом М. Умеровым. В разные годы на отделении вели занятия такие ученые, как проф. Р. Музафаров, доц. Э. Куртмоллаев, доц. Р. Муллина, к. фил. н. Б. Гафаров, доц. Дж. Бекиров, доц. А. Балич, проф. А. Меметов, и. о. доц. А. Велиулаева, ст. преп. В. Алиева доц. Э. Акмоллаев, доц. И. Керимов. Отдельные предметы читались писателями Ю. Болатом, Р. Фазылом, С. Арифовым, С. Нагаевым и другими. Отделение просуществовало до 1994 года. Всего отделением крымскотатарского языка и литературы ТГПИ имени Низами выпущен 431 специалист.

Кафедра филологии, созданная в 1994 году при Крымском государственном инженерно-педагогическом институте, наряду с отделами украинской, русской и иностранной филологий, имела в своем составе и отдел крымскотатарского языка и литературы, на базе которого в 1996 году образована кафедра крымскотатарской филологии. В связи со структурными изменениями в КГИПИ приказом ректора за № 88 от 26.12.2002 года кафедра крымскотатарской филологии преобразована в кафедру крымскотатарской и турецкой филологии, последняя в свою очередь с 1 октября 2005 года разделена на две отдельные образовательные структуры:

1. Кафедру крымскотатарской и турецкой литературы;

2. Кафедру крымскотатарского и турецкого языка.

В пике своего развития кафедра крымскотатарской и турецкой филологии при КИПУ имела общий объем годовой нагрузки в 26.000 часов, выполняемой 36-ю преподавателями.

С 2000 года при кафедре открыта аспирантура. Очную форму обучения в аспирантуре к 2006 году окончили 16 человек, среди которых: Н. Абдульваапов, Н. Сейтягьяев, Н. Сейдаметова, К. Саладинов, З. Касич, С. Халилова, З. Самединова, Л. Иззетова, З. Рахматуллаева, А. Сеитджелилов, Г. Межмединова, Э. Сеитбуллаев, Э. Абхаирова, Т. Киримов, Э. Мелгазиева и Р. Караманов.

За истекший период на кафедре выполнены и защищены одна докторская и пять кандидатских диссертаций:

1. Керимов И.А., 1999 г.,
2. Керимова С.А., 2004 г.,
3. Сейтягьяев Н.С., 2005 г.,
4. Юксель Г.З., 2007 г.,
5. Сеферова Ф.А., 2007 г.

Подготовлены и проходят процедуру защиты кандидатские работы:

1. Усеинова Л.Б.,
2. Керимова Т.Н.

С научно-исследовательской работой преподавателей кафедры связано и качество читаемых дисциплин. Поэтому исследованиям преподавателей кафедры уделяет важное значение. Изыскиваются различные возможности для работы в крупных библиотеках и архивах Украины и России. За последние годы части преподавателей удалось поработать в библиотеках Киева, Москвы, Санкт-Петербурга. Отдельные преподаватели работали в архивах и библиотеках Швеции, Австрии, Германии, Румынии и Турции. Собранные материалы разрабатываются и публикуются в виде статей и отдельных книг, которые являются дополнительными важными источниками знаний для студентов и аспирантов.

Преподавателями кафедры подготовлены и опубликованы более 100 различных учебников, пособий, собраний сочинений классиков, словарей и методических работ, среди которых можно выделить следующие:

1. Керимов И.А. Библиографический сечмелер. — Акъмесджит: “Къырымдевокъувпеднешир”, 1994. — 56 с.

2. Керимов И.А. Къырымтатар эде-

бияты: Къулланма дерслик. — Акъмесджит: “Къырымдевокъувпеднешир”, 1995. — 352 с.

3. Керимов И.А. Медений эснас: 1920 — 1938. — Симферополь: “Таврия”, 1997. — 496 с.

4. Керимов И.А. XIX асырынъ сонъу ве XX асырынъ башында къырымтатар бедий сёзюнинъ эврими: Монография. — Акъмесджит: “Къырымдевокъувпеднешир”, 1998. — 184 с.

5. Курназ Джэ, Бекиров Джэ, Керимов И.А. Türk edebiyatı antolojisi 13. Kıym türk-tatar edebiyatı. — Ankara: Kültür Bakanlığı, 1999. — 600 s.

6. Керимов И.А. Гаспринскийнинъ “джанлы” тарихи. — Акъмесджит: “Тарпан”, 1999. — 408 с.

7. Керимов И.А. Словарь трудных слов крымскотатарского языка. — Симферополь: “Таврида”, 2006. — 176 с.

8. Усеинов К.А. “Книга походов” Мехмеда Сенаи. — Симферополь: “Крымучпедгиз”, 1998. — 72 с.

9. Усеинов К.А., Ганиева Э.С., Сейдаметова Н.С. Къырымтатар тили: Фонетика. Лексикология. — Симферополь: “Сонат”, 2001. — 224 с.

10. Усеинов К.А. “Розовый куст ханов” Халима Ги-рая. — Симферополь: “Доля”, 2004. — 288 с.

11. Велиулаева А.В. Тувгъан эдебият. 6-нджы сыныф ичюн дерслик. — Акъмесджит: “Къырымдевокъувпеднешир”, 1998. — 192 с.

12. Велиулаева А.В. Тувгъан эдебият. 5-нджы сыныф ичюн дерслик. — Акъмесджит: “Къырымдевокъувпеднешир”, 2000. — 200 с.

13. Велиулаева А.В. Къырымтатар эдебияты. 7-нджы сыныф ичюн. — Акъмесджит: “Къырымдевокъувпеднешир”, 2002. — 204 с.

14. Велиулаева А.В. Къырымтатар эдебияты: Хрестоматия. 11-нджы сыныф ичюн. — Акъмесджит: “Къырымдевокъувпеднешир”, 2002. — 336 с.

15. Велиулаева А.В., Кокиева А., Саладинов Къ. Къырымтатар эдебияты. 10-нджы сыныф ичюн. — Акъмесджит: “Къырымдевокъувпеднешир”, 2003. — 296 с.

16. Абдульваапов Н.Р., Дружинин С. “Грёзы розового сада”. Из средневековой крымскотатарской классической поэзии. — Симферополь: “Сонат”, 1999. — 87 с.

17. Абдульваапов Н.Р., Дружинин С. Грёзы любви. Поэзия крымских ханов и поэтов их круга. — Симферополь: “Доля”, 2003. — 72 с.

18. Эмирова А.М., Ганиева Э.С., Сейдаметова Н.С. Къырымтатар тили тильшнаслыкъ терминлерининъ лугъаты. — Симферополь: “Сонат”, 2001. — 64 с.

19. Эмирова А.М., Сейтягьяев Н.Р. Б.Чобан-заде-нинъ “Къырымтатар ильмий сарфы”. — Симферополь: “Доля”, 2003. — 240 с.

20. Сейтягьяев Н.С. Мемет Нузетнинъ сайлама эсерлери. — Симферополь: “Доля”, 2003. — 240 с.

21. Киримов Т.Н. Дж. Керменчикли. Ма-бих-иль ифтихарым — къырымлыкътыр меним гъурурым. — Акъмесджит: “Къырымдевокъувпеднешир”, 2005. — 135 с.

22. Киримов Т.Н. Творческое наследие Джемиля Керменчикли (первая треть XX века): Монография. — Симферополь: Оджак, 2007. — 164 с.

23. Гаркавец А.Н., Усеинов С.М. Къырымтатарджа-

русча-украиндже лугъат. — Симферополь: "Сонат", 2002. — 460 с.

24. Усеинов С.М. Къырымтатарджа-русча-украиндже лугъат. — Симферополь: "Сонат", 2004. — 428 с.

25. Усеинов С.М. Русско-крымскотатарский словарь. — Акъмесджит: "Оджакъ", 2006. — 436 с.

26. Салъдинов Къ., Кокиева А., Межмединова Г. Къырымтатар эдебияты. 8-нджи сыныф ичюн. — Акъмесджит: "Къырымдевокъувпеднешир", 2005. — 264 с.

27. Сейдаметова Н.С., Ганиева Э.С. ве диг. Инша язмакъ огренейик. — Симферополь: "Сонат", 2000. — 104 с.

Силами кафедры под кураторством Лютфи Османова в 1999 году организовано издание историко-литературного журнала "Günsel" (Выпущено 8 номеров). С 2001 года кафедра издает свой "Научный бюллетень" (Главный редактор Т.Н. Киримов. Регистрационное свидетельство: КМ № 828). Оба издания осуществляются на благотворительные средства и распространяются бесплатно. Тираж изданий варьирует от 500 до 1000 экземпляров.

С 2001 года при кафедре начал функционировать Центр сбора и изучения арабографичных рукописей, который имеет отдельное помещение, оборудованное необходимой техникой. Центр занимается сбором, изучением, транслитерацией, систематизацией и публикацией старых арабографичных рукописей. Центр также собирает воспоминания писателей и ученых старшего поколения, связанных с довоенной крымскотатарской культурой и литературой, биографические сведения о репрессированных в 1928-1938 гг. деятелях искусства. В хранилище Центра уже сегодня имеются десятки редких изданий на арабском, персидском и крымскотатарском языках, собранные в Крыму во время фольклорно-диалектологических экспедиций студентов.

В последнее время одним из важных направлений деятельности некоторых преподавателей кафедры является исследование проблематики, связанной с крымскотатарским рукописным и старопечатным наследием, в частности, описанием истории формирования и функционирования соответствующего Собрания при Ханском Дворце-музее в Бахчисарае. Этому были посвящены ряд статей, в настоящее время идет работа по составлению Каталога рукописной и ста-

ропечатной коллекции Ханского Дворца-музея, в который войдут более 1500 названий. Одним из аспектов указанной работы является исследование обстоятельств перемещения в 1976 году из фондов Бахчисарайского музея в Ленинградскую публичную библиотеку имени М.Е. Салтыкова-Щедрина около 400 единиц хранения рукописных и старопечатных книг на тюркских, арабском и древнееврейском языках. Работа проходит в рамках программы по возвращению крымскотатарского культурного наследия, во взаимодействии с администрацией Бахчисарайского заповедника и при непосредственном участии сотрудников Министерства культуры и Министерства иностранных дел Украины. В ноябре 2006 года состоялась командировка ст. преп. Н.Р. Абдульваапова и проф. И.А. Керимова в Российскую Национальную библиотеку Санкт Петербурга по результатам которой планируется издание "Указателя" перемещенных книг. Помимо этого часть преподавателей кафедры принимает участие в различных мероприятиях, связанных с проблемами культурного наследия крымских татар, караимов, крымчаков и урумов.

Преподаватели кафедры участвовали в создании 24 выпусков обучающих программ по крымскотатарскому языку "Золотая колыбель", снятых Черноморской телерадиокомпанией. Преподавателями Э.С. Ганиевой и Н.С. Сейдаметовой подготовлен и издан электронный вариант грамматики крымскотатарского языка "Алем-псарф".

Кафедра практикует привлечение известных зарубежных специалистов для чтения лекций по специальности "Крымскотатарский язык и литература". Так, в декабре 2002 года спецкурс по крымскотатарскому языку на 4 курсе филологического факультета прочитал известный польский ученый, профессор Хэнрик Янковский. В 2002 и 2003 годах вел консультации по крымскотатарской филологии и возглавлял ГЭК по данной специальности известный тюрколог, д. фил. н., профессор А.Н. Гаркавец, приглашенный из г. Алматы. Для чтения спецкурсов на кафедру систематически приглашаются и ученые-слависты. В 2002-2003 учебном году на кафедре работала профессор М.А. Новикова. В течение двух лет работал профессор А.И. Губарь. В текущем 2006-2007 учебном году для чтения спецкурса по украинско-крымскотатарским литературным связям на работу принят д. фил. н., профессор В.И. Гуменюк.

На кафедре в разное время проходили стажировку и ряд зарубежных аспирантов, занимающихся крымскотатарской тематикой. Аспиранты:

1. Грета Линн Юлинг — Мичиганский университет США,
2. А. Пичкили — Сорбоннский университет Франции,
3. Минсте Хотопп Рике — Институт тюркологии Свободного Берлинского университета,
4. Даисукэ Минамино — Тсукубский университет Японии,
5. Филлиз Тутку Айдын — Канадский университет Торонто,
6. Аннет Люнзье и Софи Шудель — Базельский университет Швейцарии и другие получили

значительную помощь кафедры в разработке избранных тем.

Преподаватели кафедры поддерживают связь с научными центрами Украины, России, Европы и Азии. Преподаватели И.А. Керимов, К.А. Усеинов, А.В. Веллулаева, Н.С. Сейтягьяев, Н.Р. Абдульваапов, Н.С. Сейдаметова, аспирант Т.Н. Куршутов в разное время и в разных составах посетили Шведский Институт культуры и сотрудничества (2003 г.), Институт тюркологии Свободного Берлинского университета (2005-2006 гг.), Румынский университет имени Овидия (2004 г.), Институт ориенталистики Австрийского государственного университета (2006 г.), Билькентский университет Анкары (2006 г.), институт тюркологии г. Чешме-Измир (Турция, 2006), Казанский университет (2001 г., 2007 г.), Санкт-Петербургский университет (2006 г.). Преподаватели З. Саттарова и аспиранты Э. Абхаирова, С. Халилова, Э. Мелгазиева в 2004 году участвовали в работе научной сессии Международной школы гуманитарных наук Восточной и Центральной Европы, проходившей в Варшаве, Белостоке и Супрашле.

Кафедра крымскотатарской и турецкой филологии РВУЗ "КИПУ" поддерживает тесные связи с кафедрой тюркологии Киевского Национального университета имени Т.Г. Шевченко. В 2006 году на Всеукраинской конференции, посвященной 135-летию академика А. Крымского, организованного кафедрой тюркологии, приняли участие преподаватели Э. Ганнева, Н. Сейдаметова, К. Сялядинов, Ш. Абдурешитова, Ф. Сеферова, Н. Абдульваапов, Н. Сейтягьяев, Л. Асанова, И. Керимов, аспиранты Э. Мелгазиева и Н. Будник.

Кафедрой организовываются и проводятся научные, научно-практические конференции и форумы, связанные с изучением крымскотатарского языка и литературы. Наиболее значимой явилась Международная конференция "Язык, литература, история и культура тюрков", проведенная при поддержке ТІКА, в конце мая и начале июня 2004 года. Кроме Украинских специалистов, на этой конференции приняли участие ученые из России, Турции, Германии, Ирана, Венгрии, Румынии, Казахстана, Кыргызстана, Литвы, Азербайджана, Молдовии, Грузии и Туркмении. С докладами на данной конференции выступили 20 пре-

подавателей кафедры крымскотатарской и турецкой филологии.

Часть преподавателей кафедры занята и переводческой работой. Преподавателями С.М. Усеиновым, Н.С. Сейтягьяевым и К.У. Сялядиновым переведены с русского на крымскотатарский язык ряд учебников по биологии, математике, истории Украины и истории древнего мира.

Преподаватели кафедры М. Саттарова и доц. А. Веллулаева проводят ежеквартальные научно-практические семинары для учителей школ с крымскотатарским языком обучения. На кафедре под руководством проф. Эмировой А.М. и Н. Сейдаметовой проводятся и ежемесячные научные семинары преподавателей вуза.

Важной частью работы кафедры является организация и проведение ежегодной двухнедельной фольклорно-диалектологической практики студентов I-го курса. Все участники практики обеспечиваются диктофонами и другими записывающими устройствами. За годы проведения практик записаны и собраны сотни кассет аудиоматериалов, которые используются и для написания научных работ по крымскотатарскому языку и фольклору. Все кассеты с записями хранятся на кафедре. Ими пользуются не только преподаватели кафедры, но и зарубежные ученые. Так, доктором филологии Анкарского Гази университета Зухаль Юксель переписан весь объем, собранных студентами материалов. В разное время фольклорно-диалектологическую практику студентов возглавляли И. Керимов, Э. Абдуллаев (Озенбашлы), Н. Абдульваапов, Э. Сеферов и Ю. Алнев.

Составной частью кафедры является и Тюркологический центр, оборудованный при помощи Турецкого агентства по сотрудничеству. На основе межправительственного договора между Украиной и Турцией, а также межвузовских соглашений для работы на кафедре крымскотатарской и турецкой филологии из Турции ежегодно командировуются по три преподавателя турецкого языка и литературы. С 2000 года на кафедре работали такие ученые, как З. Юксель, Н. Туран, О. Чобаноглу, Угур Инан, Э. Алтынкайнар, И. Айдоган, Э. Софуоглу, А. Кёк, Т. Кая, А. Озьюгун, М. Эрдан и другие. Их работа ведется по учебной программе, утвержденной ДАКом Украины.

На факультете крымскотатарской и турецкой филологии как отдельный предмет изучается и арабский язык. В 2007-2008 учебном году кафедра планирует введение и персидского языка. Нарращивание "восточного элемента" позволит в перспективе открыть и восточное отделение, что сделает факультет более конкурентоспособным в образовательном пространстве Украины.

В перспективе кафедра будет еще более динамизировать научно-исследовательскую и научно-методическую работу с целью создания более качественных учебников и пособий как для вуза, так и для школ с крымскотатарским языком обучения, а также монографических исследований, необходимых для учебного процесса.

К публикации подготовил проф. И.А. Керимов

Басмаханеге берильди 08. 07. 2007.
Басмагъа мусааде олунды 02. 08. 2007.
Бичими 60x84 1/4. Басмахане кягъыты № 1.
Алуіқа гарнитурасы. Джеми 200 нусха.

Валерий Басировнынъ компьютер меркезинде
дердж этмек ичюн азырланылды.
95022, Кырым Мухтар Джумхуриети, Симферополь ш.,
Виноградная сокъагъы, 22

"ДОЛЯ" нешрияты
World Wide Web: [http:// www.vbasirov.dem.ru](http://www.vbasirov.dem.ru)
ДК № 343, 23.02. 2001.
ООО "Форма" басмаханеси
Симферополь ш., Горького сокъагъы, 8

Преподаватели кафедры крымскотатарской и турецкой филологии Крымского инженерно-педагогического университета.

Стоящие слева: Н. Абдульваапов, Э. Акмоллаев, Г. Юксель, А. Велиев, Л. Асанова, Г. Межмеддинова, Э. Ганиева, З. Мамутова, Ю. Алиев, У. Кадырова, З. Куртмоллаева, С. Шихбаева, З. Зейнетдинова, Т. Усеинов.

Сидящие: У. Эдемова, М. Сатарова, Ф. Сеферова, З. Сатарова, А. Велиуллаева, И. Керимов.

